

K-1514021

✓

В.В.Гура

**ПРАВДА ЖИЗНИ
И МАСТЕРСТВО
ХУДОЖНИКА**

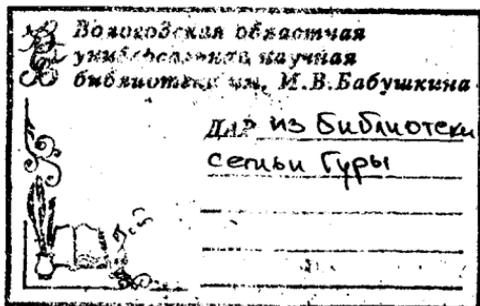
СЕРИЯ VI · 1965

Новое в
жизни

4

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

Вологодская областная
универсальная научная
библиотека им. М.В.Бабушкина

Дар из Библиотеки
семьи Гурь

В. В. ГУРА

Правда жизни и мастерство художника

(к 60-летию М. А. Шолохова)

К 1514021

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Москва 1965

83.5(2 = Pyc) 6-8

80112

Г 95

В один из осенних, еще солнечных дней 1923 года молодые читатели «Юношеской правды», развернув поутру свежий номер своей газеты, прочли небольшой фельетон «Испытание». Внизу стояла подпись: М. Шолох. Это было первое выступление в печати никому тогда не известного восемнадцатилетнего Шолохова, приехавшего в Москву со скромным намерением поступить на рабфак и впервые ощутившего «настоящую тягу к литературной работе», а теперь—всемирно известного великого русского писателя, классика литературы социалистического реализма, правдивого летописца советской жизни, видного советского государственного и общественного деятеля.

Как и всякий большой художник, автор «Тихого Дона» и «Поднятой целины» не просто входил в литературу. Он «вляпывался» в нее, вторгался в жизнь современников, завладевал их мыслями и чувствами и властно вел за собой.

Имя М. А. Шолохова, автора эпических полотен о нашей эпохе неразрывно связано с историей советской литературы, с утверждением в ней нового творческого метода — метода социалистического реализма. Путь Шолохова поистине творческое явление. Его талант самобытно раскрылся уже в «Донских рассказах», а в «Тихом Доне» засверкал всеми гранями. Его книги вошли в советскую литературу «весомо, грубо, зримо», как живое свидетельство ее идейно-художественной

зрелости, торжества эстетических принципов искусства социалистического реализма.

Шолохова-художника породила эпоха революционной борьбы за победу социализма. Эту эпоху во всей ее суровой правде и сложности он и открывал своему читателю, нес ему свои раздумья, брал его в плен силой исторгнутого из сердца художественного слова. Великие революционные события определили психологическую глубину раскрытия сложных человеческих чувств и характеров, ситуаций и конфликтов, драматическое содержание и эпический размах произведений Шолохова, их философскую глубину и народность.

Творчество Шолохова народно по природе своей. Герои его книг — люди-труженики, простые и великие русские люди. Шолохов раскрыл в своих книгах богатый душевный мир народа, его неиссякаемую талантливость, моральную цельность, извечное стремление к свету и правде. В народных по духу и форме произведениях Шолохова идейность и философская глубина сплавлены с высоким мастерством, с огромной силой эстетического воздействия на читателя. Его романы стоят в ряду лучших достижений великой русской литературы. Обогатив традиции предшественников, традиции советских писателей старшего поколения, Шолохов принес в литературу свою самобытную творческую индивидуальность, утвердил свое право на новаторство как мастера социалистического реализма, прочно связавшего художническую судьбу с эпохой социализма.

Произведения Шолохова внутренне объединены глубоким смыслом. Это, собственно, одна книга о судьбах народа на разных этапах его революционного пути. В художественных образах Шолохова отразились большие исторические события, узловые моменты нашей эпохи. Началом этой книги были «Донские рассказы», следующим звеном — «Тихий Дон», эпическое полотно о путях народа к Советской власти, продолжением его — «Поднятая целина», роман о росте народного сознания, о единстве народа и партии в борьбе за новую, социалистическую жизнь. Героическая борьба народа за независимость в годы Великой Отечественной войны стала содержанием романа «Они сражались за Родину», рассказов «Наука ненависти» и «Судьба человека». Историзм, масштабность изображения современной жизни — существенная особенность творчества Шолохова.

Как известно, Горький известил мир о приходе нового героя, героя-революционера и раскрыл его характер преимущественно в ситуациях революционной борьбы дооктябрьского времени. Шолохов вместе с Маяковским, каждый своим голосом, в разных жанрах, но одинаково ярко и самобытно типизировали те процессы, которые происходили в нашей жизни после Октября. Вот почему Шолохов прочно вошел в жизнь

современников, вот почему он стал знаменитым писателем нашего времени, писателем социалистической эпохи.

Вклад Шолохова в литературу как талантливейшего выразителя «духа времени» определяет его место в литературе, его творческое лицо, силу его воздействия на литературу. Шолохов, по словам Алексея Толстого, «начинает новую народную прозу», скрепляя своим талантом советскую литературу со «старшими богатырями», с реалистическими традициями русской классики. «Шолоховское направление» в современной литературе — это направление связи литературы с жизнью, упрочения ее народности, ее национального своеобразия. «...В том и величие его как художника, — писала о Шолохове газета «Правда», — что он явился одним из талантливейших выразителей общих устремлений всей передовой советской литературы, сохраняя неповторимое обаяние своего художественного облика, глубокую самобытность творческой личности».

*

Шолохов родился 24 мая 1905 года на Дону, «рос там и учился, формировался как человек и писатель и воспитывался как член нашей великой Коммунистической партии»¹. Еще осенью 1925 года, в разгар работы над «Тихим Доном», он поселился в Вешенской, одной из старейших верхнедонских станиц, раскинувшейся на крутом берегу Дона. Изгибаясь в густой зелени, Дон величаво несет свои воды в море. Почти на окраине станицы, среди белых казачьих куреней затерялся небольшой домик, в котором создавались первые книги «Тихого Дона».

Этот дом Шолохов в те годы надолго покидал, целыми неделями колесил по донским хуторам и станицам, внимательно выслушивал старожилков, изучал казачью старину, собирал народные песни. Сама жизнь — живые люди, «материал и природа», как говорил писатель, были под руками.

А. С. Серафимович, гостивший до войны в Вешенской, рассказывает, что его земляку приходилось писать только по ночам. «Привычку эту создают посетители, которые валом велят к писателю. Тут казаки, колхозники, рабочие, командиры, студенты, туристы, иностранцы, старухи, дети, журналисты, писатели, музыканты, поэты, композиторы — все едут на машинах, на лошадях, верхом, на лодках, на пароходе, летят на самолетах. И всех Шолохов ласково принимает, поговорит, разъяснит, поможет, направит»².

¹ М. Шолохов. Речь перед избирателями. «Правда», 1937, 1 декабря, № 330, стр. 4.

² А. Серафимович. Собр. соч., т. X, М., Гослитиздат, 1948, стр. 365.

Дом Шолохова теперь в самом центре станицы. Спустишься с обрыва, и вот он — тихий Дон. Из окон шолоховского кабинета, насколько глаз видит, — широкие степные просторы. Путник, подъезжающий за полночь к станице, еще в степи видит огонек в окнах шолоховского кабинета — писатель работает. К этому огоньку, призывно горящему в нашей литературе, тянутся не только советские писатели. Литераторы многих стран приезжают в Вешенскую. С тех пор как на берегах Дона расцвел могучий талант автора «Тихого Дона» и «Поднятой целины», Вешенская стала центром литературной жизни страны, литературной столицей мира.

...В Миллерово поезд пришел к вечеру. Спускались сумерки, сухой ветер доносил до окраин города горячее дыхание полыни, едва уловимые запахи разнотравья. На востоке, куда завтра нам предстоял путь, изредка вспыхивала зарница. Там лежала просторная придонская степь. За нею — верховья тихого, величавого Дона.

К рассвету у автобусной станции образовалась очередь — московские студенты, отпускники, военные, пожилые казаки и казачки.

Жадно вглядываюсь в лица этих людей, вслушиваюсь в их речь, ловлю знакомые оттенки. У каждого из них своя судьба, свои привычки, свой характер. Мне до сих пор не приводилось бывать на Дону, но я знал этих людей, словно не раз встречался с ними. Так, не успев еще прочно ступить на донскую землю, входишь в мир шолоховских героев...

На многие километры раскинулась величественная и необъятная донская степь, изрезанная суходолами, буераками, балками, капризными степными речонками. Весной, утратив летнюю сонливость, они буйствовали, полая вода сорвала почти все мосты, размывала насыпи, нарушила переправы.

Машина то и дело ныряет в балки. Длинная бурая полоса пыли курится за ней, долго еще висит над дорогой, медленно оседает на выгоревшую полынь.

Июнь на Дону выдался знойный. Солнце жгло нещадно, над степью — выцветшее бестучное небо. Кажется, вымерло все живое в такой жаркий полдень. Но нет — стрекочут в траве кузнечики, изредка набежит горячий ветер, дохнет в лицо горьким полынком, заколышит волнами зреющую пшеницу. Шумно взмыв крыльями, взлетит с телеграфного столба степной коршун — и снова тишина. Кружит коршун высоко в небе, а по выгоревшей траве скользит от его широких крыльев манящая тень.

Спускаемся к слободе Ольховый Рог, объезжаем скелет рухнувшего моста, и вновь телеграфные столбы уходят в синюющую, задернутую маревом степь...

Кашары, Поповка, Каменка, Нижне-Яблоновский, Грачев,

Ясеновка — один за другим уютно расположились эти хутора и слободы... С невеселыми, нелегкими думами проезжал когда-то через них уставший от войны, ушедший из отряда Подтелкова Григорий Мелехов.

Впереди — насколько хватает глаз — стелются хлебные поля, зеленые квадраты кукурузы, уходящие в даль ряды подсолнухов, черные полосы паров — трактора вновь готовят землю к посевам.

Чем ближе к Дону, тем чаще казачьи хутора: свежевыбеленные курени утопают в зелени садов и левад. Еще издали узнаешь их по строгим пирамидальным тополям. Эти безмолвные степные часовые охраняют от палящего солнца опустевшие хутора — колхозники в поле.

Где ни побываешь в эти дни на Дону — в станице Вешенской или на хуторе Гремячем, в станицах Еланской или Бокховской, в обдонских или разбросанных по Чиру степных хуторах — везде кипит жизнь... Здесь растет новая улица, там устанавливают на станичной площади динамик, от Базков паром тянет новый катер, на излучине Дона разгружаются баржи с товарами для степных хуторов, в Вешенской достраиваются новые кирпичные здания, а за станицей поднимается, защищая поля от зыбучих песков, зеленая лесная полоса.

С тех пор как ехал Григорий Мелехов в родной хутор, много воды утекло в Дону, не раз всходило солнце над древней степью. Новая жизнь пришла сюда, выросли здесь иные люди, не знавшие сложной, нередко горькой судьбы тех, кого рисовал Шолохов в своих романах, но не померкла правда жизни тех лет, запечатленная силой шолоховского таланта.

*

Мы в самом центре когда-то большого степного хутора, раскинувшегося между Чиром и Доном. Это — Кружилин. Здесь, на бывшей церковной площади, стоял небольшой, крытый чаканом курень, в котором родился и провел годы раннего детства Михаил Шолохов. Отсюда пошли первые, особенно острые ощущения от восприятия Мира и Человека.

Невдалеке от хутора — бывшее панское имение Ясеновка. Там много лет жила в услужении мать писателя, Анастасия Даниловна Черникова, дочь крепостного крестьянина из Черниговщины, обремененного большой семьей и никогда не выходившего из нужды. Анастасия Даниловна рано лишилась родителей, с двенадцати лет пошла «в люди» и до замужества служила горничной у старой помещицы.

Малограмотная женщина наделена была от природы самобытным острым умом, живой образной речью, драгоценным даром творчества. Это самое богатое, по словам А. С. Серафимовича, наследство, — «наследство быть крупным художником», — и подарила она своему сыну.

Здесь, в Кружилине, начал самостоятельную жизнь и отец писателя, Александр Михайлович Шолохов, выходец из Рязанской губернии. С молодых лет ему пришлось работать по найму, разделяя участь «иногородних» на Дону. По казачьим законам он не имел права на собственный надел земли, поэтому сеял хлеб на арендованной земле, часто менял профессии и кочевал со всей семьей по донским хуторам и станицам, служил приказчиком, участвовал в торговых коммерческих предприятиях хуторского масштаба, был управляющим паровой мельницей на хуторе Плешакове, а в советское время — заведующим заготовительной конторой Донпродкома в станице Каргинской.

Значительная часть жизни будущего писателя связана с этой станицей. Невдалеке от пожарки и сейчас сохранился дом, где жил Шолохов, на площади — школа, в которой учился писатель. Плотный, с ясными глазами, с бронзовым от загара лицом, с выгоревшими на солнце вихрами мальчик выделялся среди ровесников-казачат острой наблюдательностью, смысленностью.

Озорные игры на пыльных, поросших травой улицах, дни, проведенные в степи и на рыбалке под палящим южным солнцем, покосы в займище, пахота, сев, уборка пшеницы — жизнь народа в ее мельчайших деталях, — все это, по словам А. Се-рафимовича, «клало черту за чертой на облик мальчика, потом юноши». Просторы донских степей, зеленеющие берега величавого Дона навсегда вошли в его сердце. Он впитывал в себя родной говор, задушевные казачьи песни. Жизнь донских хуторов и станиц, быт казаков с их изнурительным трудом и тяжелой военной службой — были той жизнью и тем бытом, которые с детства окружали писателя, той атмосферой, которой он дышал и в которой рос.

Отец Шолохова очень хотел, чтобы сын его «выбился» в инженеры и средств на его образование не жалел. В 1911 году Шолохов берет уроки у сельского учителя Тимофея Тимофеевича Мрыхина, в 1912 году поступает в Каргинское начальное училище, в класс, который вел Михаил Григорьевич Копылов, впоследствии изображенный в «Тихом Доне».

«Не окончив Каргинского училища, — рассказывал мне Михаил Александрович, — поступил в подготовительный класс Московской гимназии Шелапутина. Была в свое время такая гимназия. Учился в Москве года два-три, а затем продолжал учиться в Богучарской гимназии. Несколько месяцев учился в 1918 году здесь, у себя в Вешенской. Всего довелось окончить четыре класса гимназии».

Наступила Великая Октябрьская социалистическая революция, а за нею и гражданская война. «Я в это время, — пишет Шолохов, — учился в мужской гимназии в одном из уездных городов Воронежской губернии. В 1918 году, когда окку-

пационные немецкие войска подходили к этому городу, я прервал занятия и уехал домой. После этого продолжать учение не мог, так как Донская область стала ареной ожесточенной гражданской войны».

Когда в июне 1918 года немецкая кавалерия вошла в тихий придонской уездный городок Богучары, Шолохов был уже у отца на хуторе Плешакове, что против Еланской станицы. «В годы гражданской войны был на Дону», — скупое вспоминает Шолохов, еще юношей окунувшийся в бурно кипевшие события, ставший свидетелем острой классовой борьбы.

Когда Советская власть на Дону установилась прочно и окончательно, семья Шолоховых вновь поселяется в Каргинской. Юный Шолохов с оружием в руках защищает Советскую власть, энергично отдается новой жизни. Он разъезжает по верхне-чирским хуторам, участвуя в переписи населения, работает учителем, ликвидируя неграмотность среди взрослых, служащим в станичном ревкоме, делопроизводителем заготовительной конторы Донпродкома.

В станице Каргинской стоял продовольственный отряд. Шолохов добровольцем вступил в него и повел борьбу с кулаками, прятавшими хлеб от голодавших рабочих. Принимал он самое живое участие и в культурной жизни станицы: там издавалась рукописная газета «Новый мир», читались доклады для населения, на хуторах проводились вечера художественной самодеятельности, ставились спектакли в станичном клубе. Очевидцы вспоминают: желающих попасть на спектакль, в котором участвовал Шолохов, было так много, что клуб не мог вместить всех. Казаки громко аплодировали, неоднократно вызывали его на сцену. «Еще в тяжелые дни 20-го года, — рассказывает одностанничник Шолохова, — появление «Мишки Шолохова» на Каргинской сцене вызывало бурю аплодисментов и хохот станичной аудитории. Недаром перед тем, как ставить спектакли, публика спрашивала: «А Мишка Шолохов будет играть? Без Мишки дело не пойдет, не так интересно будет».

Шолохов был неутомим, полон юношеского задора, желания заставить людей радоваться жизни вместе с ним. Лучше всего ему удавались комические роли. Всякий раз, когда он выходил на сцену, руководитель постановок Т. Т. Мрыхин волновался за кулисами. Неистощимый в своих мальчишеских выходках, Шолохов присочинял от себя, обостряя комические ситуации.

Репертуар для постановок иссякал, пьес не хватало. Хотелось к тому же приблизить содержание постановок к современности, ответить на вопросы, волновавшие зрителей — казаков. И у Шолохова родилось желание поделиться своими впечатлениями о жизни, бурлившей вокруг. Однажды Шолохов принес Т. Т. Мрыхину рукопись пьесы из современной жизни,

ее прочли и тут же начали репетировать. С тех пор Шолохов нередко приносил новые пьесы, аккуратно переписанные его рукою, но авторство свое скрывал.

Современность определила тематику юношеских опытов Шолохова. Материал он черпал из окружающей жизни, шел по ее «горячим следам». Рождалась мечта о творчестве, но не было ни знаний, ни времени, чтобы отдаться литературной работе.

Классовые враги в те дни, используя тяжелое хозяйственное положение, создавшееся в стране после окончания гражданской войны, начали разжигать недовольство крестьян продразверсткой, подняли голову контрреволюционные элементы, вспыхивали кулацкие мятежи. Шолохов плечом к плечу с коммунистами и комсомольцами находился в походах, «служил и мыкался по Донской земле» до тех пор, пока все банды были полностью разгромлены.

В 1922 году Шолохов был назначен продовольственным инспектором в станицу Букановскую, Царицынской губернии. Вскоре он приезжает в Москву с намерением продолжать учебу. Но поступить на рабфак, как он думал, не удастся. Тогда молодой человек в солдатской шинели, в серой казацкой папаче появляется на Малой Бронной, на бирже труда и на вопрос о специальности гордо отвечает: «Продовольственный комиссар». Другой специальности у него не было. Пришлось работать грузчиком, мостить улицы в артели каменщиков, служить счетоводом на Красной Пресне, жить «на скудные средства, добытые временным трудом чернорабочего». В это время у него и появляется, как вспоминал позже Шолохов, «настоящая тяга к литературной работе».

Мало было повседневно видеть своих героев, жить их жизнью, впитывать тот особый мир, который для окружающих стал ничем не примечательными буднями. Надо было впитать в себя дух времени, его приметы, осмыслить те исторические процессы, с которыми связаны судьбы героев художника. Великая Революция, потрясая до основания весь строй старой жизни, стала временем рождения художника, определяющим фактором формирования его личности.

Детство на Дону, годы первой мировой войны, давшие новый запас жизненных впечатлений, остро пережитые юношей кровавые схватки ожесточенной гражданской войны, непосредственное участие в сложной борьбе за становление Советской власти в казачьих хуторах и станицах — все это не просто «долитературная биография» писателя. Это — жизнь, прожитая вместе с героями будущих книг. Это — истоки творчества, его жизненная основа, питавшая Шолохова в его дороге от «Донских рассказов» к «Тихому Дону» и «Поднятой целине». Тяга к литературе рождена богатством увиденного и пережитого вместе с народом, насыщена жизненными соками,

драматическими коллизиями времени, ждавшего своего художника.

*

Жители верхнего Дона в мельчайших подробностях знают шолоховские рассказы, его «Тихий Дон» и «Поднятую целину». Немало легенд расскажут вам и о самом Шолохове. Жизнь и литература, реальный факт и домысел слились так, что их трудно разорвать. Фольклорная экспедиция Гослитмузея записала в казачьих станицах и хуторах десятки народных рассказов, в которых причудливо переплетаются личные воспоминания участников и очевидцев революционных событий на Дону с картинами и образами, заимствованными у Шолохова.

Старожилы-каргинцы хорошо помнят ту тревожную ночь, когда их станицу заняла банда Махно. Коммунистам и комсомольцам пришлось скрыться от жестокой расправы в зарослях камыша по Чиру. Зверски был зарублен продкомиссар Каргинской волости. Под хутором Коньковым бандиты взяли в плен и юного Шолохова. Допрашивал сам Махно, пригрозив юноше виселицей в случае новой встречи. Пережитое в эти дни легло позже в основу повести «Путь-дороженька».

Когда появился в печати рассказ «Алешкино сердце», жители той же Каргинской увидели в нем реальный, происшедший в их станице случай, сравнивали судьбу Алешки с судьбой одностаничника, предупредившего отряд Донпродкома о налете банды. Но Шолохов никогда не копировал известные ему жизненные ситуации, а, опираясь на них, настойчиво искал более острые конфликты и сцены, в которых реалистически зримо, обобщенно раскрывался социальный смысл событий, происходивших на Дону в первые годы становления Советской власти, высокий гуманизм суровой борьбы за новую жизнь, рисовались живые характеры людей, участвующих в этой борьбе.

Шолохов был не только современником, но и активным участником народной борьбы за Советскую власть, и это обогащало его как художника. В борьбе рождалось зрелое отношение к жизни, закалялся характер, накапливались важные для художника зрительные впечатления, крепло желание самому взяться за перо и нарисовать увиденное и пережитое.

Трудно было неискушенному человеку разобраться в сложной литературной обстановке тех лет, когда Шолохов начал свой путь в литературе. Легко и заблудиться в пестроте многочисленных литературных группировок. Как и раньше, Шолохова тянуло к молодежи, к тем, кто славил новую жизнь и смело окунался в нее. Приход молодого писателя в литера-

турную группу «Молодая гвардия» не был случайным. Выступив на страницах газеты «Юношеская правда» как фельетонист («Испытание», «Ревизор», «Три») Шолохов писал о молодежи, рабфаковцах, комсомольцах. Ему были по душе эти простые дышащие молодостью и здоровьем, упрямые и веселые парни, стойкие бойцы за новое, хозяева своего молодого рабоче-крестьянского государства.

Начинающий писатель учится у Чехова мастерству развертывания сюжета, остроте и цельности повествования. Заметное влияние на его фельетоны оказывает Гоголь. В зрелом творчестве эти связи проявятся значительно глубже. Юношеские фельетоны Шолохова — всего лишь проба пера. Потребовались годы напряженной работы, прежде чем их автор пришел к большому мастерству.

Первый рассказ Шолохова из донской жизни «Родинка» увидел свет в конце декабря 1924 года на страницах газеты «Молодой ленинец». Вскоре здесь была опубликована и повесть «Путь-дороженька». Имя молодого рассказчика все чаще появляется в комсомольских газетах и журналах («Молодой ленинец», «Смена», «Комсомолия», «Журнал крестьянской молодежи» и др.).

Подготовив к печати сборник «Донских рассказов», Шолохов еще в рукописи ознакомил с ним А. С. Серафимовича. В конце 1925 года в Москве состоялась встреча писателей, положившая начало их многолетней дружбе. Серафимович с участием отнесся к своему «литературному крестнику», написал предисловие к «Донским рассказам», восторженно приветствуя молодого талантливого писателя:

«Как степной цветок, живым пятном встают рассказы т. Шолохова. Просто, ярко, и рассказываемое чувствуешь — перед глазами стоит. Образный язык, тот цветной язык, которым говорит казачество. Сжато, и эта сжатость полна жизни, напряжения и правды... Все данные за то, что т. Шолохов развертывается в ценного писателя».

Совсем еще юная в это время советская литература приняла в свои ряды большой отряд молодых писателей. Многие из них пришли прямо с фронтов гражданской войны. «...Советская литература создавалась людьми такими, как мы, — вспоминал А. Фадеев. — Когда по окончании гражданской войны мы стали сходитья из разных концов нашей необъятной Родины — партийные, а еще больше беспартийные молодые люди, — мы поразились тому, сколь общи наши биографии при разности индивидуальных судеб. Таков был путь Фурманова, автора книги «Чапаев»... Таков был путь более молодого и, может быть, более талантливого среди нас Шолохова... Мы входили в литературу волна за волной, нас было много. Мы приносили в литературу свой личный опыт жизни, свою инди-

видуальность. Нас соединяло ощущение нового мира как своего и любовь к нему»¹.

Примкнув к писателям старших поколений, опираясь на их опыт, Шолохов нес в литературу свою индивидуальность, свое живое слово. Для первой же книги он черпал материал из жизни донского казачества, путь исканий которого в революции оказался более длительным и более сложным, чем путь остальной части русского крестьянства.

Шолохов шел по горячим, опаленным дыханием времени следам событий. Часть его рассказов тематически связана с последними годами гражданской войны, но большинство их — об исходе этой войны, о борьбе с бандами и трудном становлении Советской власти на Дону. Во второй книге рассказов «Лазоревая степь» (1926), делая экскурсы в годы гражданской войны, Шолохов снова обращается к началу 20-х годов, ко времени своей молодости, начала активного участия в строительстве новой жизни на Дону. Рассказы эти связаны с финальными страницами «Тихого Дона», с годами, предшествовавшими событиям, описанным в «Поднятой целине». Шолохов вводил читателя в атмосферу острой классовой борьбы в деревне, сопротивления косных сил и укрепления социалистических начал.

В рассказе «Червоточина», вошедшем в сборник «Лазоревая степь», писатель изображает «разлом» богатой казачьей семьи. Против отца и брата, враждебно настроенных к Советской власти, выступает младший сын, комсомолец Степан. Он разоблачает отца, который скрывает излишки хлеба. Степан выступает против брата, который еще в империалистическую войну зверски расправлялся с бастующими рабочими. Вражда в семье доходит до того, что Яков Алексеевич и его старший сын Максим убивают ненавистного им Степана и бедного крестьянина, с которым он уехал на отцовских быках в поле.

«Разлом» происходит не только внутри казачье-кулацкого хозяйства и даже не только в середняцкой среде, а и в семьях бедняков («Бахчевник», «Коловерть»). Молодой Шолохов сумел показать, как в среде казачества проникали и находили в ней живой отклик революционные идеи. Бедняцкое казачество целыми семьями переходило на сторону Советской власти, было ее опорой в казачьем хуторе.

Герой рассказа «Смертный враг» Ефим Озеров сражался за красный Царицын. Теперь он ведет борьбу с кулаками. Зверски расправляются с ним кулаки. Но дело его непобедимо. «Попомни, Ефим, — вспоминает он перед смертью слова своего друга, — убьют тебя — двадцать новых Ефимов будет».

¹ А. Фадеев. О советской литературе. «Лит. газета», 1949, 2 марта, № 18, стр. 1.

Образы большевиков особенно привлекательны в рассказах молодого писателя. Он раскрывал не только драматизм той борьбы, в которой они участвовали, но и живые человеческие качества. Герой рассказа «Нахаленок» матрос Фома Коршунов воевал за революцию, встречался с Лениным. Теперь он «ставит» Советскую власть в родном хуторе. Этот человек показан в житейской обстановке, в общении с семьей, в работе по хозяйству, а рядом с ним — образ его сына, маленького Мишатки, растущего с именем Ленина. Несмотря на свои малые годы, Мишатка активно участвует в борьбе, сообщает красноармейцам о банде, налетевшей на хутор, о гибели отца. Победа сил, вызванных к жизни революцией, неизбежна, торжество нового мира неотвратимо. Мишатка принимает революционную эстафету из рук своего отца.

Острота классового борьбы на Дону, осложненной сословными предрассудками, напряженность схватки нового мира со старым предстают в рассказах одновременно с утверждением высокого гуманизма революционной борьбы. Герои Шолохова не только беспощадны в своей ненависти к врагу. Они несут в себе многообразные чувства, благородные качества людей, утверждающих новые человеческие отношения, неизбежность торжества справедливости и подлинной человечности.

В «Донских рассказах» Шолохов обращается к драматически напряженным, трагическим ситуациям, по времени связанным с теми событиями, к которым писатель возвращается в «Тихом Доне». Безжалостный талант обнажает суровые отметины прошлого на теле, на душе таких людей, как Микшара и Харитон Турилин («Семейный человек», «Ветер»). В основе рассказа «Обида» — не менее жестокая ситуация. В голодную послевоенную осень вспахал Степан землю, но не засеял ее — нечем было. Всю зиму голодала семья, старуха, дети, оставшиеся от погибшего в гражданскую войну сына. Весной получил Степан семенную ссуду государства, но ночью, когда вез зерно со станции, напали укутанные в башлыки люди, отобрали хлеб. Опять нечем сеять Степану, гибнет «вспаханная, обманутая им земля», черная, распластанная трупом пахота.

Вскоре пришла новая беда: ушли с покоса быки. Когда искал их Степан, встретил в степи и узнал одного из тех, кто оставил его без семян. Обидчик оказался таким же задавленным нуждой крестьянином. Он знает, что совершил преступление, понимает, что может быть жестоко наказан, просит прощения. Но Степан неумолим, он убивает вилами того, кто оставил его семью без хлеба и берет в свою семью его сына, совсем крохотного мальчонку, ставшего свидетелем расправы с его отцом.

В драматической жизненной ситуации этого рассказа, в его трагическом накале — пульс большого дарования, развернув-

шегося в полную меру в «Тихом Доне». Шолохов выступает против порожденной нуждой дикости, против «власти земли», изображает своих героев на рубеже новой жизни, неизбежность прихода которой очевидна.

В «Донских рассказах» поставлены многие из тех острых проблем, которые развернуты были и зрело разрешены писателем в «Тихом Доне» и «Поднятой целине». Реалистическая образность, типичные конфликты и характеры рассказов наполнены воздухом времени. Донские рассказы сыграли большую роль в творческом развитии Шолохова, но значение их выходит за пределы биографии писателя. Это был не только тот плацдарм, на котором оттачивалось художественное мастерство, выковывались идейные убеждения, накапливались силы на подступах к эпическим полотнам. Молодой художник почти одновременно с Фурмановым, Серафимовичем, Фадеевым художественно зримо запечатлел особенности революционного времени, его типичные конфликты, расстановку классовых сил, образы тех, кто героически отстаивал победу революции, их духовное богатство, героизм, человечность, беззаветную преданность революционной нови.

*

Большое полотно о Доне, о народе, о революции было задумано Шолоховым еще во время работы над «Донскими рассказами». Работе над четырехтомной эпопеей «Тихий Дон» писатель посвятил пятнадцать лет жизни. Ради этого он покинул Москву, возвратился на родину, чтобы жить среди героев книги.

Осенью 1925 года в станице Букановской писались страницы первоначального варианта романа — «Донщина». Работал над ним писатель и в тесном курене станицы Каргинской. «И писалось трудно, — вспоминает об этом времени Шолохов, — и жилось трудно, но в общем писалось».

Приступая к работе над «Донщиной», Шолохов не учел, что без раскрытия исторически сложившихся условий, без показа специфики жизни и быта казачьего хутора, без объяснения причин, толкнувших часть казачества на путь белогвардейского движения, роман, описывающий поход казачьих дивизий на Петроград, мятеж Корнилова, Донщину уже во время событий гражданской войны, не разрешит эпической темы о путях народа в революционную эпоху. В конце 1926 года Шолохов прекратил работу над «Донщиной», временно отложил написанные главы и приступил к созданию «более широкого романа», отодвинув начало повествования ко времени, предшествовавшему империалистической войне.

Первая книга романа «Тихий Дон» появилась в январском номере журнала «Октябрь» за 1928 год. В этом же году,

на страницах этого же журнала завершилось печатание второй книги романа.

Особенно плодотворными на творческом пути Шолохова были 1929—1931 годы. В это время, наряду с работой над новым романом — «Поднятая целина», писатель завершал третью книгу «Тихого Дона», дописывал и перерабатывал ее последние страницы, был занят активной деятельностью, связанной с колхозным строительством на Дону, начал сотрудничать в газете «Правда» как ее специальный корреспондент.

В 1932 году появляется в свет третья книга «Тихого Дона» и первая книга романа «Поднятая целина». Шолохов вступает в ряды Коммунистической партии. Шире и разностороннее становится деятельность писателя-коммуниста. Напряженный литературный труд Шолохову всегда удавалось сочетать с большой общественной работой. Особенно пристально писатель интересовался вопросами сельского хозяйства, вникая, как заправский специалист, в самые сложные его отрасли. Строительству новой жизни, повышению культуры села писатель отдавал много сил и энергии. Из далеких хуторов за советом и помощью шли к нему крестьяне, шли и с добрыми вестями, и с жалобами. Шолохов участвовал в борьбе с перегибами в колхозном движении, с грубыми политическими ошибками бывшего руководства Азово-Черноморским краем.

Как художник Шолохов горячо боролся за утверждение реалистического искусства. Он поддерживал тесные творческие связи с М. Горьким, А. Серафимовичем, А. Толстым, А. Фадеевым, Н. Островским, другими крупнейшими советскими писателями, принимал участие в дискуссии о языке художественной литературы, в работе Первого съезда советских писателей, в выработке его решений, был избран в состав первого Правления Союза советских писателей, а затем в бюро и президиум Международной ассоциации писателей в защиту культуры. В конце 1934 года Шолохов совершил большую поездку за границу. Будучи в Швеции, Дании, Англии, Франции, писатель разоблачал клевету буржуазной печати о Советском Союзе, рассказывал об успехах своей Родины, призывал к борьбе с угрозой фашизма.

Активное участие в социалистическом строительстве, в борьбе народов за мир помогало писателю глубже осмыслить и правдивее показать в своих книгах пути народа к социализму. Шолохов в это время напряженно работал над завершением «Тихого Дона», охватывая насыщенный большими событиями отрезок времени — с лета 1919 года по весну 1922 года.

Четвертая книга оказалась для писателя самой трудной. Углубленное, зрелое понимание истории, повышенная творческая взыскательность — все это заставляло тщательнее шли-

фовать каждую строку той части романа, которая сводила воедино написанные ранее книги.

До самого рассвета жители Вешенской видели свет в окне мезонина шолоховского дома, где помещался кабинет писателя. Наконец, «Тихий Дон» был закончен. Это было в конце декабря 1939 года. Книга достойно завершила многолетний труд писателя над большим эпическим полотном о борьбе за торжество революции, о путях народа к социализму.

Опираясь на большой жизненный материал, Шолохов передал в «Тихом Доне» на примере судеб донских казаков «те колоссальные сдвиги в быту, жизни и человеческой психологии, которые произошли в результате войны и революции», показал пути народа в революции, закономерность его прихода к социализму.

В «Тихом Доне» нарисована широкая картина империалистической войны, Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской войны. Изображение народной массы, ее жизни и действий на фоне крупных исторических событий и в связи с ними определяет эпичность «Тихого Дона». В основе повествования — эпохальный конфликт борьбы непримиримых социальных сил, крушение старого и рождение нового, социалистического мира. Революция изображена в героических и трагических ситуациях народной борьбы.

Писатель тесно связывает с большими революционными событиями судьбы своих героев, представляет изображаемую эпоху в разнообразии человеческих типов. Возвышенно прекрасное, подлинно героическое он видит в революционном народе, поэтизируя и утверждая эстетическую ценность труда и борьбы народных масс.

На широком фоне движения народа в революции особым смыслом наполняются противоречивые искания и трагическая судьба Григория Мелехова, подлинно философская проблема взаимоотношения личности и народа, места личности в революционной борьбе.

Интерес к движению масс в революции неотделим у Шолохова от пристального интереса к судьбам отдельных людей, пафос истории в его романе нисколько не заслоняет человека и человечности. Эпический в своей сущности характер Григория Мелехова несет в себе эпохальные обобщения. В его индивидуальной человеческой судьбе, чувствах, мыслях, переживаниях и поступках обобщаются большие социальные противоречия и проблемы эпохи, грандиозные исторические процессы, сдвиги, перемены, происходящие в жизни на переломе эпох, накануне и в годы революционного взрыва.

Неповторимая индивидуальность этого человеческого характера опирается на его эпическую основу. В «Тихом Доне» сплавлены воедино эпическая и трагическая судьба мяту-

ВОРОБЕЙСКИЙ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

1514021

щегося героя, вступившего в конфликт с поступательным ходом истории.

Движение истории прослеживается в эпосе одновременно с движением и развитием личности. Григорий долго и мучительно трудно идет через все этапы исканий. При всем индивидуальном своеобразии этих исканий их пафос неотделим от пафоса масс, пафоса истории, частью которой является в романе и его судьба.

Григорий с трудом освобождается от предрассудков, заблуждений, социальной неустойчивости, порожденных особенностями общественного положения его среды.

Григорий Мелехов лишь смутно осознает причины совершающейся революции, смысл исторического процесса—в этом трагическая коллизия его судьбы. Все мелкое, злое, эгоистичное перегорает в огне той борьбы, в которой он участвует, его страсть к Аксинье проходит испытание временем и вырастает в сильное, всепокоряющее чувство большой любви, которую он пронесит через все страдания. Отвращение к страданиям, жестокости, убийствам приводит в конце концов Григория к осознанию бессмысленности несправедливой борьбы с народом, осознанию своих заблуждений и неправоты. При всей неповторимости судьба Григория наполняется всеобъемлющим историческим смыслом, как судьба человека типизировавшего судьбу заблудившихся в революции людей.

Шолохов утверждает мысль о неразрывности человеческой судьбы и судьбы народной, о нераздельности счастья человека с счастьем народа, с его социальными устремлениями и борьбой. В шолоховской эпосе народная масса приходит к осознанию правды революции, ее народного смысла, а Григорий продолжает свой путь заблуждений и ошибок, приближаясь к трагическому финалу. Совершенно одинокий, особенно после гибели Аксиньи, Григорий видит над собой черное небо и ослепительно сияющий черный диск солнца. Духовно опустошенный, утративший «разум и былую смелость», в страхе и смятении, как дикий зверь, скрывается он в лесу. Судьба Григория сравнивается с выжженной весенними пожарами, зловеще черной, мертвой, обуглившейся степью, вокруг которой «весело зеленеет молодая трава», ключом бьет жизнь: «Как выжженная палами степь, черна стала жизнь Григория... Но сам он все еще судорожно цеплялся за землю, как будто и на самом деле изломанная жизнь его представляла какую-то ценность для него и для других».

В ходе суровой борьбы за победу революции рождаются и закаляются новые люди — коммунисты Штокман, Гаранжа, Бунчук, Котляров, Кошевой, Подтелков и Кривошлыков. Рисуя их как борцов за интересы трудящихся, писатель акцентирует внимание на росте революционного сознания этих людей. Многие из героев-коммунистов «Тихого Дона» гибнут

в борьбе с контрреволюцией. Но они никогда не утрачивают веры в светлое будущее народа. Писатель утверждает бессмертие тех идей и деяний, за которые они отдают жизнь.

Как живые, встают со страниц «Тихого Дона» образы русских женщин — смелой и гордой Аксиньи, кроткой и трудолюбивой Натальи, мудрой и величественной Ильиничны, юной и непосредственной Дуняшки. По глубине и правдивости раскрытия внутреннего мира, переживаний и поступков, женщины «Тихого Дона» встают в ряд образов, созданных русскими классиками.

Шолоховская Аксинья — женщина большого обаяния, пленительной внешней и внутренней красоты. Это — сильная, страстная, одухотворенная натура, гордая сознанием своего человеческого достоинства. Сильная характером, великая в своих чувствах, Аксинья по-своему ищет путей к лучшей жизни. Для нее «ничего не существовало, кроме Григория», «мир умирал для нее, когда Григорий отсутствовал, и возрождался заново, когда он был около нее». С нарастанием напряжения в народной борьбе, Аксинья все больше проникается тревогой за судьбу человека, с которым связала жизнь, свои надежды на счастье. Не сознавая, куда и зачем она идет, что ожидает ее впереди, Аксинья готова идти с Григорием хоть на край света, хоть на смерть. Много слез пролила она бессонными ночами, но теперь Григорий «снова был с нею», и потому с губ «все время не сходила тихая улыбка», «радостно светились глаза», «сегодня весь мир казался ей ликующим и светлым, словно после благодатного летнего ливня». Не задумываясь ни о чем, она говорит: «Поеду, Гришенька, роденький мой! Пеши пойду, поползу следом за тобой, а одна больше не останусь! Нету мне без тебя жизни...» Аксинья и на этот раз верит, что найдет «свою долю» с любимым ею «несчастливым человеком» и с этой верой трагически гибнет в пути.

Мастерство раскрытия психологии человека-труженика сплетается в «Тихом Доне» с проникновением в мир природы, драматизм повествования с лиричностью, трагические ситуации с юмористическими сценами. Шолохов обогатил мир искусства, насытив его живыми неповторимыми человеческими характерами Григория Мелехова и Аксиньи Астаховой, Пантелея Прокофьевича и Ильиничны, Натальи и Дуняшки, Михаила Кошевого и Ивана Алексеевича Котлярова, Прохора Зыкова и Степана Астахова, целой галереей людей из народа. Он погрузил их в ту бурную кипучую жизнь, без которой и вне которой герои «Тихого Дона» не могли бы восприниматься как реальные типы.

Восторженно, с восхищением встретили читатели «Тихий Дон». Его автора уже в дни окончания романа называли гордостью советской литературы, великим писателем эпохи русской.

✱

Советская литература все шире показывала преобразование страны. Отражались в ней и процессы, происходившие в деревне.

Величайшее идейно-художественное значение «Поднятой целины» — лучшего литературного памятника эпохи коллективизации — заключается в том, что в бурных событиях первой половины 1930 года, захвативших один из хуторов «Тихого Дона», Шолохов типизировал сущность перемен, происходящих в советской деревне этих лет. В основу романа писатель положил факты социалистической действительности. Глубокое знание народной жизни, тесная связь и постоянное общение с народом помогали воссоздать в романе типические характеры и ситуации.

Пристально изучал писатель и жизнь рабочего класса, встречался с ростовскими рабочими, переписывался с ленинградскими металлстами, наблюдая работу двадцатипятистисычячником в Вешенском районе. Внимательно изучал писатель постановления и решения съездов нашей партии. Они помогали глубже понять величие событий, важность коренного перелома в развитии сельского хозяйства, те конкретные социально-исторические явления, которые определяли сущность происходящих в стране перемен.

Первая книга создана за короткое время, но работа над ней была напряженной и кропотливой. Опубликованная на страницах журнала «Новый мир» в 1932 году, она получила высокую оценку читателей и критики.

Шолохов работал над второй книгой романа, намереваясь завершить ее к 1934 году. «Вторая книга, как и первая, — говорил писатель, — покажет становление колхозной деревни. Она охватывает примерно тот же период (1930—1931 годы), но более поздний его этап. Все основные персонажи первой книги переходят во вторую. Но, помимо них, читатель встретит и новых героев. Это главным образом партийные работники из района».

Однако работа над этой книгой затянулась. Много сил и времени было отдано завершению «Тихого Дона». Шолохов, правда, не раз возвращался к «Поднятой целине». Значительная часть завершающей роман книги была написана до войны, но ее рукопись погибла вместе со всем архивом писателя. С 1951 года Шолохов писал вторую книгу «Поднятой целины», как он говорил, заново и по-новому. Ее финальные страницы он прочел в переполненной, затихшей аудитории Московского университета в канун 1960 года. Многолетний труд писателя был вскоре увенчан Ленинской премией.

Всем содержанием романа писатель наглядно показывал те громадные перемены, которые произошли в народе за годы, отделяющие события, описанные в «Тихом Доне», от событий,

воссозданных в «Поднятой целине». Страна за это время шагнула далеко вперед по пути социалистического преобразования. Во всех областях деятельности народа шла борьба за новую жизнь, в процессе которой крепла энергия и пробуждалась творческая инициатива масс, менялись взгляды и психология людей, ширился их идейный кругозор, рождались новые чувства и отношения.

Главный, активно действующий герой «Поднятой целины» — народ. В романе прослежены основные этапы его пути в коллективизации, пройденные вместе с партией. «Поднятая целина» — роман о рождении колхоза, о борьбе партии и народа за полное торжество социализма. Шолохов передает напряженность классовой борьбы двух враждебных лагерей: с одной стороны, народ, возглавленный партией, рабочим-путловцем Давыдовым, с другой — ничтожные заговорщики во главе с бывшим есаулом, диверсантом Половцевым.

В лагере строителей социализма и путиловский рабочий коммунист Давыдов, и гремяченские коммунисты Нагульнов и Разметнов, и руководитель агитколонны луганский токарь Кондратько, и совсем юный комсомолец Ванюшка Найденов, и деревенская беднота, и сознательные середняки. В колхозном активе — бригадир Агафон Дубцов, Демка Ушаков, Кондрат Майданников, кузнец-ударник Ипполит Шалый. К новой жизни тянутся бедняки Лосев и Демид Молчун, Щукарь и Аким Бесхлебнов.

Шолохов рисует картину массового движения крестьянства в колхозы как результат большой работы, проделанной партией и народом. Рождение колхозной жизни неотделимо от роста активности народных масс, от пробуждения их творческой инициативы. Писатель обильно ввел в повествование массовые сцены, рисующие народ в действии, в обстановке непримиримой борьбы с врагами колхозного строя.

Массовые сцены в романе — одно из главных средств широкого показа народа, становления коллектива в труде, раскрытия духовного роста народа, его политической сознательности. Этот сложный процесс происходил в обстановке все нараставшей и обострявшейся борьбы за крестьянина, которую вели коммунисты против контрреволюционных сил, пытавшихся любыми средствами оторвать народ от новой жизни.

Шолохову удалось нарисовать не только характеры коммунистов, участников коллективизации деревни. В «Поднятой целине» впервые создан обобщенный образ партийного коллектива, прослежено становление и укрепление его связей с народом.

Основные черты коммуниста эпохи коллективизации писатель типизировал в образе коммуниста Семена Давыдова, одного из тех рабочих-двадцатипяти тысячников, которых партия послала в деревню для ее социалистической перестройки. Да-

выдов — верный сын партии, человек сильной воли, выдержки, коммунистической принципиальности. Преодолевая трудности, происки замаскировавшегося врага, он вместе со своими товарищами Нагульновым и Разметновым, при активной поддержке народа, создает в Гремячем Логу крепкий колхоз, утверждает союз рабочего класса и крестьянства.

Укрепляя единство с народом, строящим новую жизнь, Давыдов растет как руководитель масс, расширяются его политические горизонты, крепнут организаторские способности, накапливается опыт работы в деревне. Большое человеческое обаяние, любовь и уважение к простым людям, чуткость, сердечная теплота в отношениях с ними никогда не покидают Давыдова. С нежной отцовской улыбкой беседует он с босоногим Федоткой Ушаковым, взволнованно мечтает о счастье народа, о той грядущей жизни, которую создаст своими руками: «Хорошую жизнь им построим, факт! Бегаёт сейчас Федотка в отцовском картузе казачьего фасона, а лет через двадцать будет электроплугом навораживать вот эту землю... Счастливые будут Федотки, факт!»

Сотни идущих рядом людей Давыдов заражает пафосом социалистического преобразования, верой в человека, в созидательную мощь освобожденного народа, в силу коллективного труда. Сплоченные и вдохновленные коммунистами крестьяне на собственном опыте убеждались в преимуществе колхозной жизни, тянулись к ней, глубже осознавали свое единство с партией, с рабочим классом.

Для раскрытия этих глубинных жизненных процессов особенно значительна в «Поднятой целине» фигура Кондрата Майданникова. Кондрат понимает преимущества коллективного труда, одним из первых вступает в колхоз и зовет за собой других. Шолохов прослеживает сложный социально-психологический процесс ломки сознания крестьянина, преодоления чувств одиночника, той тяги к личной собственности, с которой веками жил крестьянин. Мучительно переживает все это Кондрат, не спится ему по ночам, «не спится потому, что осталась в нем жалость-гадюка к своему добру, к собственной худобе, которой сам он добровольно лишился». Причина этой жалости к своему добру — в коренной ломке одиночной жизни, застаревших собственнических навыков.

Пафос коллективного труда, умелые действия и дружеское участие Давыдова помогают Кондрату приобщиться к новой жизни, стать «заглавной фигурой» в колхозе. Шолохов насколько не упрощает процесс раскрепощения человеческой личности, рождения новых социалистических отношений. Тонкое проникновение во внутренний мир героев «Поднятой целины», раскрытие душевного богатства таких людей, как Кондрат, наполняется у Шолохова светлыми гуманистическими идеями духовного возрождения человека.

В Вешенскую мы приехали в самый разгар работы Шолохова над второй книгой романа. Каждая глава давалась ему нелегко, многие приходилось переписывать по семь и десять раз. С каждой новой страницей росла взыскательность писателя к себе. Долгими часами просиживал он за письменным столом, снова и снова ездил по родному Дону. В те дни его особенно волновали финальные сцены романа. С большой теплотой говорил Михаил Александрович о своих героях, шла речь и о событиях, которые он заново переживал вместе с ними. Я ни о чем не расспрашивал писателя, хорошо знал, что он не любит раскрывать раньше времени свои творческие секреты, а сам он был скуп на слова. Но когда Шолохов говорил, в его глазах загорались живые огоньки, словно бы озарявшие скрытые, тревожные раздумья. Было совершенно ясно — он не поступится правдой, а драматически и психологически сложно, по-шолоховски проникнет в глубинные места классовой схватки, открыв ее путанные изгибы, неожиданные столкновения и противоречия.

«Во второй книге, как и в первой, — говорил как-то Шолохов, — мне хочется бытописать. Уж больно ядрен и любопытен колхозный быт. И представляется мне, что несколько иррический термин «бытописатель» теперь теряет остроту иронии. Нужно бытописать и лестно быть бытописателем!».

Предупреждая, что «вторая книга будет скучнее первой», что в ней для героев небольшой разворот событий, Шолохов сосредоточил внимание на становлении новой жизни внутри колхоза, на развитии характеров в обстановке ежедневной будничной работы.

«Содержание второй книги, — говорил Шолохов, — это ожесточенная борьба двух миров, тьмы и света. В сущности это последняя схватка в великой борьбе «кто кого?». Это будет ответ на вопрос, поставленный еще в «Донских рассказах». В этой схватке и с нашей стороны не обошлось без жертв. Но побеждает новое, побеждает колхозный строй, социализм».

Между книгами романа нет временного разрыва. Читатель возвращается к тому сюжетному узлу, который был завязан три десятилетия назад. Оглядывая раскинувшуюся вокруг Гремячего Лога степь, хлеба, омытые ливнем, Островнов с великой досадой думал: «Вся природность стоит за Советскую власть, этак когда же дожدهшься износу ей?». Он радуется, что покинули его опасные постояльцы Половцев и Лятевский, что не рискует он теперь собственной шкурой, но, возвратившись с порубки под тягостным впечатлением от встречи с Тимофеем Рваным, Яков Лукич услышал в горенке «глухой половцевский басок», «обессиленно прислонился спиной к стене, схватился за голову... Старое начиналось сызнова».,

Картиной цветения жизни открывается вторая книга «Поднятой целины»: «К концу первой половины июня погода прочно установилась, ни единой тучки не появлялось на небе, и дивно закрасовалась под солнцем цветущая, омытая дождями степь! Была она теперь, как молодая, кормящая грудью мать,—необычно красивая, притихшая, немного усталая и вся светящаяся прекрасной, счастливой и чистой улыбкой материнства».

С этим лирически-взволнованным пейзажным вступлением контрастируют злые размышления Островнова в финале первой книги. Островнов все больше убеждается, что «будет хороший урожай», что «отгрузится зерном колхоз». Томятся в одиночестве, настораживаются от каждого шороха постояльцы Островнова, скрытые, как в могиле, в темноте горенки. Тревожно на душе и у самого хозяина.

А Гремячий Лог живет в это время полной жизнью. Собственными руками куют гремяченцы свое счастье, и радостно светит им жизнетворящее солнце!

В центре внимания Шолохова, как и прежде, партия и народ на одном из решающих этапов борьбы за торжество социализма. Писатель видит прошлое с высоты нашего сегодняшнего отношения к тем процессам, которые он изображает и над которыми размышляет вместе с читателем.

Шолохов медленно разворачивает события. Не динамика их, а сложность людских взаимоотношений, открытие глубинных родниковых ключей внутреннего мира человека — тончайших оттенков его психологии — движет развитие сюжета второй книги романа. Большие революционные дела поры коллективизации раскрываются не через их внешние, событийные проявления, а предстают перед читателем преломленными в сознании народа, воплощенными в судьбах людей.

Из глубины народной жизни пришли Майданников и Любишкин, Ушаков и Дубцов, Шалый и Щукарь и предстали на страницах романа в своем неповторимом своеобразии. Философией труда и борьбы народа озарены эти страницы, проникнуты высокой гуманистической мыслью о духовной красоте людей, раздумьями автора над судьбами своего народа. Ломка психологии крестьянина, издавна привычных для него навыков единоличного хозяйствования, рождение социалистических начал в его характере — сложный жизненный процесс.

Углубляя наше знакомство с Давыдовым, Шолохов во второй книге вносит много нового в понимание характера партийного вожака, методов его руководства народом. Образ Давыдова неизмеримо обогащается, расцветивается новыми красками.

Цельность характера Давыдова, душевное богатство, большевистская чуткость, за что беззаветно любят его гремяченцы,

приобретают в произведении художественную конкретность и зримость. Весь в движении и горении — таков Давыдов даже в дни затишья борьбы со скрытыми врагами. Беспокойство за судьбы родных ему людей, постоянная тревога за общее колхозное дело никогда не покидают неутомимого Давыдова. Он не только сам познает жизнь и учит гремяченцев, но и сами многому учат его.

Задушевные беседы с рассудительным колхозным кузнецом Ипполитом Шалым, доверительная исповедь Ивана Аржанова, острое столкновение с Устином Рыкалинным раскрывают Давыдову глаза на многое.

Случай свел однажды Давыдова с пожилым колхозным возницей Иваном Аржановым. По общему мнению хуторян, это был человек «слегка придурковатый», «умом тронутый». Но Давыдов, вглядываясь в его хитро смеющиеся глаза, в доброе лицо, готов уже не согласиться с этим мнением, а тут еще обычно замкнутый, молчаливый Аржанов поведал ему то, о чем молчал всю жизнь. Еще когда он был подростком, хуторяне жестоко избили его отца. Мучительно умирая, он только перед смертью поведал сыну свою тайну — назвал убийц, просил отомстить.

Нелегко сложилось детство у Ивана Аржанова. Как и Давыдов, вдоволь хлебнул он нужды, рос одиноким, нелюдимым, полным ненависти к убийцам. Прост и страшен рассказ Аржанова о свершившейся мести. Он доверчиво обнажает эти суровые отметины прошлого в своей душе, и потрясенный Давыдов становится свидетелем жизненной драмы человека, искалеченного дикими, уродливыми нравами прошлого, но умного, по-своему глубоко и здраво разбирающегося в людях. Неожиданная исповедь Аржанова наталкивает собеседника на серьезные размышления о сложности человеческой жизни, о порочности подхода к разным людям с заранее готовой меркой.

Неожиданно раскрылся перед Давыдовым и Устин Рыкалин. Еще издали, подъезжая к стану бригады, Давыдов увидел, что добрая половина косилок стоит, а казаки играют в карты. Бледный от бешенства, он подскакал к игрокам вплотную и накричал на них. Давыдов взволнован, взвинчен, а пожилой приземистый казак Устин Рыкалин удивительно спокоен в своих язвительно-издевательских репликах. Нагло улыбаясь, он обвиняет Давыдова в желании выслужиться перед районным начальством, наносит ему тяжкое оскорбление, ставит под сомнение его бескорыстие как руководителя.

Давыдов «напрягал всю волю, чтобы обуздать в себе слепую, нерассуждающую ярость, чтобы как-нибудь не сорваться». Запасаясь выдержкой, действуя убеждением, он все-таки срывается на окрик, называя Устина «белячком», «контриком»,

«кулацким подпевалой», «бездельником». Но «словесный поединок» входит в деловое русло. Давыдов овладевает собой, стремится раскусить язвительного собеседника, смять и растоптать его вредные доводы, убедить силой своей большой и святой правды, разоружить этого «драчливого кочета», озлобившегося забияку. Лишь только теперь, увидев изуродованную гранатой руку Устина, Давыдов начинает понимать, почему он работает не на полную нагрузку. Узнает он и о нищенской жизни большой семьи этого извечного бедняка, и им овладевает горькое чувство недовольства собой, злая досада за свое опрометчивое поведение.

«Кто же по нынешним временам так с народом обращается? Он, народ-то, при Советской власти свою гордость из сундуков достал и не уважает, когда на него кидаются с криком», — говорит Устин, и Давыдов убеждается, что этот не в меру бойкий казак кое в чем прав. Мысль Давыдова работает напряженно. Тщательно анализируя свои поступки, он во что бы то ни стало хочет разобраться в людях, с которыми строит новую жизнь: «Удивительный народ эти казачишки! Раскуси, попробуй, что за фрукт этот Устин. Оголтелый враг или же попросту болтун и забияка, у которого что на уме, то и на языке? И вот, что ни день, то они мне все новые кроссворды устраивают... Разберись в каждом из них, дьявол бы их побрал. Ну что ж, буду разбираться! Понадобится, так не то что пуд — целый мешок соли вместе с ними съем, но так или иначе, а все равно разберусь, факт!»

Давыдов сурово осуждает себя за незаметно усвоенную нагульновскую манеру обращения с людьми. Постоянное общение с народом, укрепление связи с ним обогащают Давыдова, поднимают его как руководителя, придают новые силы в груди и в борьбе.

Не скрывает Шолохов и слабостей своего героя, и его нескладной личной жизни. С мягким юмором выписаны отношения Давыдова с беззастенчивой и самовлюбленной Лушкой. Ослепленный внезапно подкравшимся чувством, Давыдов, однако, прячет его от людей, боится за свой «председательский авторитет». Пришедшая вскоре любовь к Варе Харламовой облагораживает Давыдова, очищает его душу от тревог увлечения непутевой бабенкой. Образ семнадцатилетней Варюхи-горюхи, своенравной, чистой и светлой, как «зоренька ясная», утренними красками освещает и Давыдова.

По-новому, с самой неожиданной стороны раскрылся теперь и Нагульнов. Под внешней его суровостью и аскетичностью таилась настоящая большая душа. Подкупающе непосредственны и трогательны доброта, искренность, чуткость Разметнова, его верность первой, поруганной недругами любви, его огромное горе, связанное с утратой самых дорогих для него людей. Рисуя эти характеры во всей их человеческой глу-

бине, Шолохов поэтизирует высокий гуманизм отношений людей нового мира.

В «Поднятой целине» не только завершаются характеры «основных персонажей первой книги». Писатель вводит в повествование новых людей. Большой светлой мыслью озаряется образ человека чистого сердца и яркого ума Ивана Нестеренко, нового секретаря райкома партии. Крупным планом вырисовывается теперь образ честного труженика Шалого, умного, рассудительного человека, кровно заинтересованного в делах артели. Он становится добрым советчиком и задушевным другом Давыдова, находит в себе силы открыто выступить против Островнова. Вместе с Кондратом Майданниковым и Агафоном Дубцовым Шалый одним из первых вступает в Коммунистическую партию.

В страшной судьбе своей встает, выпрямляется, входит в новую жизнь Иван Аржанов. Подлинно драматична в финале романа фигура Шукаря. Многие сближает героев «Поднятой целины», но все они — и Кондрат Майданников, и Ушаков, и Дубцов, и Шалый, и Любишкин — нарисованы писателем со своими живыми человеческими «чудинками».

Неумолима и логика развития образов врагов колхозного строя. Все более плотная стена отделяет этих людей от подлинной человеческой жизни. Безнадежно запутавшись, страшась за свою шкуру, Островнов решается на звериное по жестокости убийство старухи-матери, обрекая ее на голодную смерть. Впечатляюще обнажает писатель моральный распад личности, изменившей самому заветному и дорогому — вспоившей, вскормившей его матери, родной земле, своему народу.

Широко и свободно, полноводной рекой народной жизни течет повествование; в сложных жизненных взаимоотношениях, в задушевных беседах, в острых спорах, в размышлениях о самом насущном предстают характеры простых людей, тружеников новой, советской деревни. Нарочито, быть может, замедленное вначале, это течение нарастает, становится стремительным. Драматическая развязка приближается, Давыдов и Нагульнов гибнут в схватке с врагами, затаившимися в темной горенке куреня Островнова... Дрогнул здесь мужественный голос писателя, не в силах был он сдержать своего волнения:

«...Вот и отпели донские соловьи дорогим моему сердцу Давыдову и Нагульнову, отшептала им поспевающая пшеница, отзвенела по камням безымянная речка, текущая откуда-то с верховьев Гремячего буерака... Вот и все!»

Как и в «Тихом Доне», автор не скрывает своего волнения, связанного с утратой людей, которым отдано было и его сердце. Они стали близкими не только ему — миллионам людей на земле.

Но жизнь продолжается... Шолохов скупно рассказывает,

как настигла кара убийц, как закончилась «отчаянная, заранее обреченная историей на провал попытка контрреволюции поднять восстание против Советской власти на юге страны». На смену Давыдову и Нагульнову пришли возмужавшие вместе с ними Разметнов и Майданников.

Верный жизненной правде, Шолохов вскрыл напряженность и суровость великой борьбы за торжество социализма, озарив повествование ярким светом неистребимой веры в торжество новой жизни, пришедшей на берега тихого Дона.

«Роман Шолохова будет в нас жить и будить в нас глубокие переживания и большие размышления, и несогласия с автором, и споры; мы будем сердиться на автора и любить его... Таково бытие большого художественного произведения»¹.

Эти слова А. Толстого, высоко оценившего великий талант Шолохова, написаны, кажется, не только о «Тихом Доне»... «Поднятая целина» уже живет с нами и в нас, уже пробуждает глубокие переживания и большие раздумья о сложности жизни, о суровости борьбы и красоте рождения нового, помогает глубже осмыслить поступательный процесс социалистического преобразования, яснее, конкретнее увидеть торжество нового, ту революционную энергию, которая обогащает нашу страну и учит зарубежных трудящихся активному отношению к жизни.

*

Всякий раз, окунаясь в жизнь, кипящую в романах Шолохова, духовно обогащаешься. В его книги входишь с тем волнением, с каким переступаешь порог родного дома, в котором все знакомо с детства, но особенно мило теперь, после некоторого отсутствия в нем.

Сухой, прокаленный солнцем ветер, с полынком, пьянит, обжигает сердце; взглядываешься в лица встречаемых людей — узнаешь их, вслушиваешься в речь — знакомые голоса. Это — родные тебе люди. Близкими сделал их Шолохов.

Жизнь этих людей — в сердце писателя. Шолохов, с молоком матери впитывал, по словам Серафимовича, «казачий язык, своеобразный, яркий, цветной, образный, неожиданный в своих оборотах, который так волшебным образом расцвел в его произведениях, где с такой неповторимой силой изображена вся казачья жизнь до самых затаенных уголков ее»².

Прошлое своего народа Шолохов познавал и через рассказы «бывалых людей», вчитывался он и в исторические источники. Это был двуединый процесс. Писатель не раз назы-

¹ А. Толстой. О литературе. М., «Сов. писатель», 1956, стр. 363.

² А. Серафимович. Собр. соч., т. X, М., Гослитиздат, 1948, стр. 364.

вал ту обильную мемуарную и историческую литературу, которую ему приходилось изучать, работая над «Тихим Доном». Он не только разъезжал по станицам, по крупичам собирая факты жизни. Он рылся в архивах, вчитывался в пожелтевшие газеты, вдумывался в свидетельства современников, сопоставлял их. Художественный «домысел» писателя опирался на большое знание жизни во множестве ее фактов и сфер, придающих шолоховским романам неповторимую свежесть, зримую реалистическую конкретность.

У каждого писателя есть своя, если можно так выразиться, «географическая зона». У Горького это — Волга и юг России, у Шолохова — Дон, у Фадеева — Дальний Восток, у Федина — саратовское Поволжье. Здесь не только особенно часто происходит действие их произведений, здесь — истоки их творчества, здесь складывались и отсюда шли, по меткому выражению Федина, «первые представления о русской земле — как о Мире, о русском народе, как о человеке».

Большой художник постоянно обогащается новыми жизненными наблюдениями, но он никогда не уходит от того, что ему особенно дорого и близко. Существенные проблемы эпохи, ее противоречия и закономерности писатель всегда раскрывает на конкретном материале, сообразуясь с его спецификой. Шолохов решительно раздвинул горизонты литературы, вывел читателя на широкие просторы великой Родины, заставил дышать свежим воздухом народной жизни. Делал это автор «Тихого Дона» и «Поднятой целины» широко и смело, по-новаторски. Он, можно сказать, «поднимал целину», рисуя преобразенный революцией народ России, щедро распахивал не только для себя — для всей литературы.

Без исторической конкретности, как известно, невозможна широкая реалистическая панорама жизни. А она, эта историческая конкретность, непременно вплавлена в созданные художником характеры. Ее ощущаешь не только в изображении исторических событий, но и в окружающей людей природе, местности — одним словом, во всей совокупности тех обстоятельств, вне которых просто немислимы живые характеры любого художественного произведения.

Беседуя с Шолоховым, я спросил, куда направиться человеку, впервые попавшему на Дон с желанием самому всмотреться в жизнь, в то, что связано с его романами. Писатель назвал самые живописные здесь места, раскинувшиеся вниз по течению Дона от Вешенской до Еланской.

Правый берег Дона буквально облеплен хуторами и станицами: Базковская соединяется с хутором Громки, у самой реки — известный по «Тихому Дону» Громченок (здесь переправлялись казаки-повстанцы), и вот в лучах утреннего солнца открылся хутор Калининский (б. Семеновский). Казалось бы, ничем не примечателен на Дону этот хутор. В «Тихом

«Доне» он упоминается всего лишь несколько раз. Но взгляните внимательно, и вы узнаете его. Это как раз то место на земле, к которому писатель «привязал» хутор Татарский. Отсюда идут детали, живописно воссоздающие ту обстановку, с которой связана жизнь семей Мелеховых, Астаховых, Коршуновых...

Красавец-хутор спускается к самому Дону: здесь все изрезано плетнями огородов, разбросанных вдоль реки. В нижнем своем течении она особенно величественна. Дорога идет почти у берега, а справа у самого хутора — крутые меловые обрывы.

Может быть, где-то здесь на краю хутора и стоял мелеховский курень. Может быть, где-то здесь повстречал Григорий Аксинью. Я был далек от мысли, что Шолохов, подобно копиисту, срисовывал картины, знакомые теперь миллионам людей всего мира, что он фотографировал вот этот спуск к Дону, где я сейчас стою. Писатель великолепно знал то, что я вижу теперь своими глазами, живописал в первых же главах «Тихого Дона» эту, до мелких деталей знакомую ему местность — в этом не было никакого сомнения. Виденное вызывает в памяти страницы романа, и они еще больше волнуют своей конкретностью. Шолохов до вашего прихода к этому спуску обратил внимание как раз на те детали, которые почти зримо передают никогда не бывавшему здесь человеку обстановку, в которой живут герои романа.

Пройдясь по хутору, я воочию убедился, что в Семеновском не было ни мельницы, ни церкви, ни такого купеческого дома и магазина, какие есть на хуторе Татарском — ничего здесь этого никогда не было. Казалось бы, найденные нити теряются.

На другой день объезжал я верхнечирские хутора. С Печаного кургана, описанного в «Тихом Доне», открывается живописный вид на Каргинскую. Внизу, за Чиром, лежала большая станица с просторной площадью в центре. В годы, описанные в «Тихом Доне», она выглядела почти так, как площадь хутора Татарского.

И сейчас сохранился дом, где жили Шолоховы, на площади — школа, в которой учился писатель, невдалеке — дом попа Виссариона, упоминаемого в «Тихом Доне». И хотя многое изменилось теперь на бывшем хуторском майдане, не стало старинной трехалтарной церкви (ее сломали несколько лет назад), нет магазина купца Левочкина со сквозными дверями, от пожарного сарая остался лишь полуразвалившийся кирпичный фундамент, — все здесь еще живо напоминает внешний вид и обстановку хутора Татарского.

И на этот раз виденное вновь и вновь убеждало в сложности художественного отражения жизни. Хотя психология творчества, к сожалению, мало изучена нами, сама жизнь про-

тестовала против упрощенного примитивно-механического представления о творческом процессе. Он таит в себе неисчерпаемые возможности, и они никогда не укладываются в ложе догм и схем.

Еще не раз, видно, испытают горечь разочарования и те, кто попытается связать нарисованный в «Поднятой целине» Гремячий Лог с хутором Гремячим, действительно существующим в степной части Вешенского района. Вслед за многими и я не нашел в нем ничего такого, что роднило бы его с «Поднятой целиной».

Постигнет, вероятно, разочарование и тех, кто, зная что один из прототипов Давыдова — двадцатипяти тысячник Андрей Плоткин — был председателем колхоза, расположенного в степном хуторе Лебяжьем, будет отождествлять этот хутор с Гремячим Логом из «Поднятой целины». «Нет, это вымышленное название, и это не псевдоним хутора Лебяжьего, — отвечал как-то М. Шолохов на подобные вопросы. — Пейзаж Гремячего Лога — резко выраженный придонской; он отличается от степного пейзажа хутора Лебяжьего, он своеобразней и красочней, больше напоминает расположенный неподалеку от Вешек хутор Грачи, где домики на балках лепятся к ручью».

Конечно же, писатель и на этот раз «привязывал» место действия романа к определенной местности, добиваясь конкретности, точности изображаемого, и на этот раз у него была, мысленно определена та «географическая зона», на которой развивается повествование, не повисая в пространстве. Но и в этом случае к вопросу о соотношении изображенного в художественном произведении с живой жизнью приходится подходить необычайно осторожно и чутко. Понятно, почему был огорчен и расстроен Шолохов, когда еще перед войной в хутор Грачи прибыли однажды очеркисты ростовской газеты «Молот» и бойко расписали все его истинные и мнимые достижения, грубо сравнивая эти успехи с тем, что было в Гремячем Логу из «Поднятой целины».

Беглому взору писателя-туриста, «командированного в жизнь», не доступны ее тайники. Лишь повседневные будничные наблюдения, далекие от шумного, поверхностного «вторжения в жизнь» дают Шолохову возможность отобрать из нее наиболее существенные для художника в данном случае конкретные детали быта, обстановки, природы, свободно переносить их с одного места в другое, сливая или разъединяя факты, увиденные в разное время и в разной обстановке, группируя и концентрируя их и всегда перерабатывая под углом зрения своего замысла. Только художник, вооруженный знанием жизни, имеет возможность отбрасывать нехарактерное и живописать наиболее важное для создания именно тех

обстоятельств, которые необходимы для обобщенного, поистине художественного полотна.

Глубокое знание жизненного материала, совершенное владение им — особенность творческого метода Шолохова — художника и, надо сказать, — существенная особенность. «Материала у меня обилие», — говорил писатель еще во время работы над «Тихим Доном». А когда спрашивали, как он собирал материал для «Поднятой целины», Шолохов отвечал, что «хождения и собирания фактов» — такого этапа в его работе не было: «Мне не нужно было собирать материал, потому что он был под рукой, валялся под ногами. Я не собирал, а сгреб его в кучу».

Неиссякаемый источник книг Шолохова — жизнь, и писатель черпает из нее факты родниковой свежести, знает их не хуже любого краеведа, ученого-диалектолога, этнографа, фольклориста и историка, вместе взятых. Это знание и помогает создать жизненную атмосферу, в которую читатель погружается с головой, забывая о том, что листает страницы книги. Он живет этой жизнью. Так рождается вера читателя в художника, та связь писателя с народом, которая дает ему право называться народным писателем.

Заканчивая работу над «Тихим Доном», Шолохов говорил: «Много езжу по станицам и все исключительно с одной целью — перепроверяю уже написанное, собираю дополнительный материал, относящийся к концу романа». Намереваясь поведать читателю «горькую правду», Шолохов еще и еще раз перепроверял свои замыслы и представления на самой жизни, еще и еще раз хотел убедиться в своей правоте, в правильности уже написанного.

В летние дни 1956 года писатель напряженно, кропотливо работал над последними страницами второй книги «Поднятой целины». Многие сложные проблемы волновали писателя. Предстояло ему, в частности, завершить и бесславную судьбу хитрого, матерого врага Половцева.

Ни для кого не секрет, что Шолохов, создавая этот собирательный образ, опирался на реальные факты. Был на Дону во главе подпольной кулацко-белогвардейской организации свой Половцев, есаул из станицы Боковской. Изловить этого изворотливого врага было не так легко. Но осенью 1930 года он был все-таки схвачен на хуторе Конькове.

И вот теперь Шолохов (видимо, уже не в первый раз!) побывал в этом хуторе. Его интересовали обстоятельства, связанные со сложной операцией по уничтожению вражеского гнезда. И это вовсе не для того, чтобы перенести в роман увиденное на хуторе Конькове. Писателю важно наблюдать конкретное, частное, зримо представить его себе. Без этого вряд ли можно подняться до художественного обобщения.

С таким принципом изображения сталкиваешься даже в

тех случаях, когда писатель сохраняет конкретные ситуации, факты, события, имевшие место в жизни и происходившие именно в той обстановке и в тех обстоятельствах, которые, казалось бы, полностью перенесены в романы Шолохова.

Из самой жизни писателем выхвачены бытовые подробности, воссоздающие обстановку повседневного труда казаков-хлеборобов. Зоркий глаз художника увидел и запечатлел наиболее существенные детали в казачьих праздниках, посиделках, свадебных пирах, похоронных обрядах, в исполнении плясок и песен.

Метки шолоховские описания станиц и хутороз и даже дубрав, отводов и курганов, сохранивших в «Тихом Доне» свои названия. Столь же правдив Шолохов в обрисовке конкретных событий, имевших место на Дону, даже в описании отдельных боевых операций, носивших чисто местный характер.

Старожилы, вспоминая былое, и сейчас удивляются тому, как юный Шолохов смог увидеть и сохранить в романе правду тех лет. А. А. Попов, например, своими глазами видел многое из того, что описано в «Тихом Доне». Он помнит секретовский прорыв, был свидетелем восстания Фомина в Вешенской, наблюдал переправу повстанцев у хутора Громченка. «Все было так, как описывает Шолохов, — утверждает А. А. Попов. — Он очень внимательно выслушивал рассказы стариков, добиваясь точности, выяснял все, что не пришлось увидеть самому».

Проезжая станицу Каргинскую и окрестные хутора, вспоминаешь те страницы из третьей книги «Тихого Дона», на которых описаны происходившие здесь в годы гражданской войны бои.

Рассказывая о правдивом воспроизведении Шолоховым отдельных событий, даже мелких деталей, решительно протестуешь против бесплодных намерений отделить Шолохова от большой литературы рамками «областной ограниченности». Разве когда-нибудь мешала настоящему художнику, сковывала или ограничивала его суровая правда жизни, великолепное знание быта, природы? Изображает ли он Дон или Волгу, Урал или Орловщину — это в конце концов не имеет принципиального значения. Важно, что изображает-то он правдиво, мастерски! Важно, что писатель решает существенные проблемы эпохи, отражает в своем творчестве ее противоречия и закономерности!

Завидное знание Шолоховым жизни рождает взволнованное отношение к тому, о чем он пишет, эмоционально окрашивает его полотна, дает им огромный эстетический и познавательный заряд. В книгах Шолохова нет ни одной фальшивой ноты. Романы большого художника волнуют, потому что они — сама жизнь. И только великий талант мог сохранить ее навеки.

М. Горький справедливо считал, что подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества, которое оказывает влияние на произведения книжной литературы.

Книги Шолохова не только овеяны народной поэзией. Связи писателя с традициями устного творчества стали выражением его идейно-художественной позиции, эстетической концепции, формировавшейся под влиянием народной эстетики. Своеобразие писательского облика Шолохова как глубоко национального художника во многом обусловлено той эстетической школой народно-поэтического искусства, которая стала жемчужной сокровищницей его творчества.

Народная поэзия Дона запечатлела важнейшие факты жизни, быт и труд народа, его традиции, духовный облик, чаяния и надежды. Народное творчество для Шолохова одновременно и надежный источник самобытных оценок, и средство характеристики многообразной народной жизни, национальных особенностей, исторических черт народа, его чувств, настроений, мировоззрения. В общении с народным творчеством развивались художественные вкусы писателя, оттачивался его язык, в основу которого ложилась образно-языковая система устной поэзии, складывалось то своеобразие письма, которое теперь называется шолоховским стилем.

Задуманная народная песня с детства стала спутником писателя. Она рассказывала о героическом прошлом народа, о его подвигах, походах, мужестве, воинской доблести, тяжелой военной службе, о повседневном изнуряющем труде, о радости любви и горечи разлуки. Она рождала возвышенное чувство прекрасного. Шолохов не только знал, но и хорошо исполнял донские песни.

Песенные мотивы казачьей Донщины прозвучали еще в «Донских рассказах». Песня и частушка осмысливались Шолоховым как средство психологической, социальной характеристики его героев. Писатель осваивал приемы включения различных устно-поэтических жанров в текст рассказов и повестей.

Образно-языковая система шолоховских рассказов складывалась под сильным влиянием народной поэтики. Молодому писателю далеко не всегда удавалось художественно своеобразно развернуть мотивы народной поэзии, но уже тогда она становилась одним из определяющих источников его творчества, формировавшим его художественную манеру.

Освоение традиций устной народной поэзии в «Тихом Доне» во многом определило идейную концепцию и художественное своеобразие романа. Песенное название романа, эпиграфы, заимствованные из народных казачьих песен («Не сохрани-то славная земляшка наша распах...», «Ой ты, наш батюшка тихий Дон!»), глубоко полемичны, противопоставлены

слащавому, ложнопатетическому описанию «тихого Дона» в дореволюционной литературе. Эпитет «тихий» несет в себе контрастный смысл в сравнении с бурными событиями, взволновавшими Дон.

Творчески многообразно использует Шолохов заговоры и легенды, сказы и сказки, свадебную и похоронную обрядовость с сопровождающими ее песнями и причетами, пословицы и поговорки, загадки, прибаутки и другие «малые формы» народной поэзии. Особенно часто и охотно он включает в текст казачью народную песню.

В «Тихом Доне» нет «нейтральных» песен. Писатель не просто воспроизводит их тексты. Он показывает жизнь песни в народе. В «Тихом Доне» немало бытовых сцен и эпизодов. Правдивость деталей бытописания подчинена в них передаче жизненных обстоятельств, вне которых немислимы живые характеры героев.

Вот едут казаки к месту лагерного сбора. Они только что выехали из родного хутора. Впереди — большая, в шестьдесят верст, пыльная дорога. Каждый занят своими мыслями, у каждого свои переживания. То ли от дорожной тоски, то ли от других нахлынувших чувств, они просят Степана Астахова «заиграть служивскую». И Степан заводит песню, а остальные подхватывают ее.

Шолохов чутко вслушивается в разноголосое пение казаков, заставляет читателя увидеть тех, кто поет, почувствовать их настроение, состояние. Он строг в отборе каждой детали, подчиненной зримо восприятию этой сцены.

Из множества деталей Шолохов чаще всего отбирает одну, наиболее характерную, и на ее основе создает художественный образ.

*

Создавая образы людей из народа, Шолохов обращается к народу, запечатлевшему в своем творчестве типические характеры. Общность мотивов и образов обусловлена общностью идейно-творческих позиций писателя и создателей устно-поэтических произведений, помогавших Шолохову не только осмыслить типические жизненные ситуации, но и опоэтизировать, насытить песенным лиризмом высокие человеческие чувства и переживания, раскрыть их психологически сильно и глубоко.

«Большую роль, — говорит писатель, — сыграли устные рассказы казаков-очевидцев, да и сам я был свидетелем многих событий, лично знал людей, о которых писал. Скажем, Фомин. Мне пришлось жить с ним в одном хуторе, за Доном около двух-трех месяцев. Часто вели мы горячие споры на политические темы... Я жил и живу среди своих героев. И это, пожалуй, — главное. Вне той среды и обстановки, о которой

пишешь, вряд ли можно создать что-либо порядочное. Мне бы, во всяком случае, без этой связи не написать своих романов».

И это святая правда! Я имел возможность не раз убедиться в ней. На Дону еще и теперь сталкиваешься с людьми, вошедшими в «Тихий Дон» под именами вымышленными, и с теми, кто сохранил в романе свои имена и фамилии.

Шолохов лепил характеры, вкладывая в них свое отношение, свое видение мира. Это и определило отбор главного, те идеи, которые несут герои Шолохова. Писатель утверждает, что в его романах нет персонажей, целиком списанных с отдельных лиц.

Сохранение за эпизодическими персонажами фамилий, которые они носили в жизни, нисколько не смущает Шолохова.

О прототипах своих героев Шолохов рассказывает неохотно. Для этого, видно, у него есть основания. Слишком уж прямолинейно, без учета психологии творчества каждого художника рассматривается иной раз соотношение художественного образа и его прототипа. Шолохов относится к числу тех писателей, в художественную память которых настолько сильно врезаются существенные черты пережитого времени, встреченных людей, что в процессе работы перед глазами писателя долго остается стоять та «модель», с которой он рисует. Но создаваемый образ постепенно начинает жить своей, отличной от прототипа жизнью, приобретает свои особенности. Их лишен человек, от которого шел писатель, создавая художественный образ. Так было, скажем, с образом Христоня из «Тихого Дона». Каргинцы, словно сговорившись, в один голос называют его прототипом Стратонию — так зовут станичники Федора Стратоновича Чукарина, первого председателя ревкома их станицы. Мне довелось беседовать с Федором Стратоновичем. И если в словах станичников правда, то насколько не похож этот человек на созданного Шолоховым Христоню!

Служил Чукарин в том же 52-м Донском казачьем полку, в котором был и Христоня. Участвовал он и в работе съезда фронтового казачества в станице Каменской. Есть и другие совпадения, но не в них дело — эти совпадения не определяют существа образа Христоня, хотя, может быть, они и были теми внешними фактами, которые знал Шолохов и от которых отталкивался, рисуя судьбу людей, подобных Христоню.

Самым, безусловно, сложным для понимания психологии шолоховского творчества является характер большой художественной силы — Григорий Мелехов. Давно уже известны слова Шолохова о том, что «для Григория Мелехова прототипом действительно послужило реальное лицо. Был на Дону один такой казак». И Шолохов не скрывал его имени. Это базковский хорунжий Харламбий Ермаков. Кстати, в третьей книге романа он появляется и под своей фамилией, как помощник

Григория Мелехова, как один из полковых командиров 1-й повстанческой дивизии.

На верхнедонских хуторах вам не только назовут имя, но и поведают сложную и печальную судьбу этого человека.

Но биография казака Ермакова — это лишь судьба одного человека. Правда, характер его был очень своеобразен, и Шолохов, по всей вероятности, искал в нем прежде всего оттенки и штрихи, помогавшие художественной индивидуализации центрального образа романа, который писателю предстояло разрабатывать наиболее глубоко и всесторонне.

Называя фамилию Харлампия Ермакова, как прототипа Григория Мелехова, Шолохов настойчиво подчеркивал, что им «взята только его военная биография», «служивский период, война германская, война гражданская». Творческая фантазия автора «Тихого Дона» и в этом случае опиралась на конкретные биографии и судьбы других людей.

Образ Григория Мелехова — колоссальное художественное обобщение, и достигалось оно, конечно, не простым копированием индивидуальной судьбы одного Ермакова, пусть даже человека своеобразного и яркого по своему характеру.

В образе Григория Мелехова Шолохов воплощал не только черты, присущие известной части казачьего населения, но и тем слоям крестьянства, затянувшиеся искания, колебания и сомнения которых в годы ожесточенной схватки двух миров были обусловлены их социальной неустойчивостью и непоследовательностью. Для людей типа Григория Мелехова эти искания и колебания оказались слишком противоречивыми и мучительными. На его примере Шолохов показывал трагедию тех, кто должен был идти с народными массами, но, запутавшись, не пришел к пониманию революционной правды, стал на путь борьбы с трудовым народом. Это социальное явление справедливо названо теперь по имени героя «Тихого Дона» — мелеховщиной.

Как известно, готовых, пригодных для всех случаев рецептов лепки характера не бывает. Своеобразно и не менее сложно создавался другой шолоховский характер, образ центрального героя «Поднятой целины» Семена Давыдова. Еще в годы создания «Тихого Дона» Шолохов пристально изучал жизнь рабочего класса, встречался с ростовскими рабочими, переписывался с ленинградскими металлургами. Вскоре пришлось писателю наблюдать их работу и в своем Вешенском районе, в тех обстоятельствах, которые были предметом особого внимания автора «Поднятой целины».

В январе 1930 года в Вешки прибыл двадцатипятилетний Андрей Плоткин. Стал он председателем колхоза в хуторе Лебяжьем. Служил он до того во флоте, носил тельняшку, а на руке — якорек выколот. Это был, по рассказам вешенцев, человек большой выдержки и чуткости к людям, завоевавший

любовь и уважение казаков. И теперь еще на Дону вспоминают Плоткина добрым словом.

Вскоре из Ленинграда приехал еще один двадцатипятилетний, путиловский слесарь Баюков, человек крепкой рабочей закалки. Он, рассказывают, и слесарный инструмент с собой прихватил, не расставался с ним. Этот политически грамотный, технически образованный коммунист по характеру был горячим, прямым и открытым человеком. В Вешках и сейчас расскажут вам о его столкновении с секретарем Миллеровского окружка по особенно острым в то время вопросам колхозного движения.

«Моряка, флотского механика Плоткина и слесаря-путиловца Баюкова я хорошо знал, — рассказывал Шолохов одному из исследователей своего творчества. — Много раз встречался с ними и на бюро райкома, и в колхозах, где они работали. Приходилось мне наблюдать работу и других двадцатипятилетних. Типическое, что я находил в их делах, буднях, было воплощено в образе Давыдова».

Сила характера Давыдова в своеобразии его индивидуального облика. А он создан с помощью штрихов, найденных писателем в жизни, заимствованных у разных людей. Дело здесь не в слиянии и концентрации этих штрихов, а в мастерском умении отобразить то, что делает человеческий характер одновременно и неповторимо своеобразным и художественно емким. Потому и встречаются в жизни люди, претендующие на близость к Давыдову.

Председатель одного из верхнедонских колхозов, горячо поблескивая глазами, уверял Анатолия Калинина: «Хотите верить, хотите — нет, но только я вам серьезно говорю, что Давыдова Шолохов с меня списал. И это не хвастовство. Помните, у Давыдова щербинка во рту?.. Так вот, посмотрите...» И в доказательство своих слов он обнажал белые, выщербленные впереди, зубы.

Почему же в образах героев «Поднятой целины» читатели ищут и находят черты знакомых им людей, узнают своих односельчан и станичников? Почему в событиях, происходивших на Дону, видят события, пережитые ими в Тамбовщине или на Урале, в Поволжье или на Смоленщине? Почему волнуют судьбы людей, нарисованных в «Тихом Доне»?

Только один ответ можно дать на эти вопросы. Шолохов опирался на факты жизни, с которыми он сталкивался на каждом шагу, хорошо знал их и, будучи художником-гражданином, глубоко переживал. Силой своего великого мастерства Шолохов поднимал конкретные жизненные явления на высоты крупных художественных обобщений.

Природа любого жанра диктует писателю свои законы, определяет отбор жизненных явлений, их соотношение. Когда один из исследователей шолоховского творчества спрашивал,

почему история Лукиничны, Мохова, Степана Астахова, Кошевого и Дуняшки не доведена в «Тихом Доне» до конца, Шолохов отвечал: «В эпопейном романе нет необходимости доводить до конца сюжетные линии всех второстепенных персонажей. В частности, история жизни Мохова не доведена до конца потому, что этого не позволило сделать обилие основного материала о судьбах ведущих персонажей».

Из ста написанных авторских листов «Тихого Дона» Шолохов опубликовал всего лишь восемьдесят пять. В процессе работы приходилось освобождаться от многого, отказываться даже от целых глав, интересных самих по себе, но не входивших органично в художественную ткань произведения.

«Главное, конечно, определяла судьба Григория Мелехова, — рассказывал мне Шолохов. — Особенно много я работал над четвертой книгой, завершавшей роман. Написано было и о пребывании Григория в Первой Конной. Но потом пришлось убрать эти главы, глухо сказать об этом периоде исканий героя, так как нужно было бы показывать и жизнь Первой Конной, а это выходило за пределы моих планов, перегружало роман.

Много написано было и о Листницких, но и эти главы я убрал, сказав коротко о судьбе Листницких. Ведь Листницкий не мой герой, чтобы расписывать о нем».

В «Тихом Доне» Шолохову «приходилось перемежать огромное количество событий, фактов, людей», постоянно вводить новых героев, часто менять место действия. Этого требовала широта замысла эпопеи. Однако логика развития характеров центральных персонажей, логика развития сюжета диктовала отбор жизненного материала, определяла композиционную ответственность отдельных звеньев эпопеи. Потому и отказывался Шолохов от детального описания службы Григория Мелехова в Первой Конной армии, потому и снимал решительно главы о Листницких, потому и отказывался выписывать определенные логикой событий «концы» Степана Астахова, Мохова и других персонажей.

В романах Шолохова — философия жизни, труда и борьбы народа, глубина чувств и моральная цельность людей труда. «Тихий Дон» и «Поднятая целина» — монументальные эпические полотна, в которых жизненные противоречия, раскрытые с шолоховской психологической и драматической глубиной, пронизывает всеобъемлющая гуманистическая мысль о духовной красоте человека, созидающего новую жизнь. Поступательное движение истории в романах Шолохова оплодотворено раздумьями автора над судьбами своей Родины и народа.

«Тихий Дон» и «Поднятую целину» с полным правом, не боясь упреков за преувеличение, можно назвать философскими романами. Мудрая философия народной жизни — их род-

ная стихия. Эпохальные исторические события, определяющие судьбы народных масс в революции, их победное шествие, поиски своего места в революционной борьбе, сложность взаимоотношений личности и народа диалектически многогранны, философски емки и значительны.

Всего лишь на нескольких страницах разворачивается характер Кондрата Майданникова, но страницы эти «томов премногих тяжелей». Ломка психологии крестьянина-единиличника, рождение социалистических начал в его характере—сложнейший жизненный процесс, наполненный поистине всечеловеческой мыслью, философской глубиной.

Художественные открытия Шолохова неповторимы, в них заряд огромной эстетической силы, честно рассказанной правды, неистребимый пафос подлинно революционного гуманизма, активной борьбы за нового человека, за его счастливую жизнь на земле.

*

Начало тяжелых испытаний Великой Отечественной войны Шолохов встретил в родной станице, полный, как и весь народ, решимости отстаивать независимость Отчизны. В первые же дни войны, выступая на старой станичной площади перед уходившими на фронт казаками, писатель говорил: «Фашистским правителям, основательно позабывшим историю, стоило бы вспомнить о том, что в прошлом русский народ громил немецкие полчища, беспощадно пресекая их движение на восток, и что ключи от Берлина уже бывали в руках русских военачальников». Писатель напоминал, что со времени татарского ига русский народ никогда не бывал побежденным, и верил, что в этой Отечественной войне он непременно выйдет победителем и принесет свободу поработенной Европе.

24 июня 1941 года Шолохов послал в Москву телеграмму, просил зачислить в фонд обороны СССР присужденную ему Государственную премию первой степени за роман «Тихий Дон», выражал готовность в любой момент «стать в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии и до последней капли крови защищать социалистическую Родину». В июле 1941 года полковой комиссар запаса Шолохов призывается в армию и вместе с другими советскими писателями уходит на фронт. Он работал в Совинформбюро, был военным корреспондентом «Правды» и «Красной звезды», участвовал в боях под Смоленском на Западном фронте, под Ростовом на Южном фронте, делил с бойцами суровые дни битвы на Волге, шел фронтовыми дорогами до самых границ Германии.

Публицистику Шолохова военных лет пронизывал призыв беспощадно громить фашистские полчища. В очерках и статьях он писал о неразрывном единстве фронта и тыла («На Дону», «В казачьих колхозах»), рассказывал о тяжелой борьбе

советских людей с фашизмом, раскрывал неизбежный процесс разложения гитлеровской армии («На Смоленском направлении», «Гнусность», «Военнопленные», «На юге»).

В первую годовщину войны в «Правде» печатается проникнутый публицистической страстностью, уверенностью в торжество правого дела рассказ Шолохова «Наука ненависти». Крупно выписывая образ лейтенанта Герасимова, проходившего в суровых боях с врагом «науку ненависти», писатель раскрывал характер русского человека, оторванного войной от мирного труда, прослеживал становление и закалку советского воина. Воля к сопротивлению, желание жить, чтобы сражаться, высокий воинский дух Герасимова, неистребимая жажда победы предстают в рассказе как национальные черты русского народа, развернувшиеся со всей силой в годы великой битвы.

Рассказ о судьбе Герасимова открывается яркой поэтической метафорой: «На войне деревья, как и люди, имеют каждое свою судьбу». Могучий дуб, надломленный вражеским снарядом, весною ожил, покрылся свежей листвой и потянулся к солнцу. Метафорическое вступление развертывается и наполняется большим смыслом, озаряющим все повествование и придающим ему художественную цельность. Рано поседевшего Герасимова, улыбнувшегося вдруг «простой и милой, ребяческой улыбкой», Шолохов сравнивает с могучим дубом.

Лейтенант измучен страданиями в плену, но чиста «добытая большими лишениями седина», не сломлена его жизненная сила. Он могуч и крепок, как и весь народ, питающийся животельными соками родной земли. Его не сломят самые тяжкие испытания и трудности. Народ, полный воли к борьбе, проникнутый священной ненавистью к врагам и сыновней любовью к матери-Родине, непобедим. Это и утверждал Шолохов в самые суровые дни Великой Отечественной войны.

В мае 1943 года на страницах «Правды» началось печатание нового романа Шолохова «Они сражались за Родину». Его главы ввели читателя в атмосферу фронтовых будней, напряженных боев летнего отступления на втором году великой народной битвы. Динамично развертываются события на фоне словно вымершей от зноя донской степи — идут кровопролитные бои с превосходящими силами противника. Суровыми, горькими красками рисует писатель отступление нашей армии. Бойцы выбиваются из последних сил, но сохраняют свою часть как боевую единицу. Герои романа — колхозник Иван Звягинцев, агроном Николай Стрельцов, шахтер Петр Лопахин — люди, воспитанные советским строем, отстаивающие Советскую Родину в кровопролитных боях. Со страниц этой мужественной книги встает образ воюющего народа, силы которого в годину военных испытаний подверглись самой

жесточкой проверке. Вместе с народом мужают в борьбе и герои романа «Они сражались за Родину».

Новый шолоховский роман был особенно дорог фронтовому читателю. «Вашу книгу, — писал Шолохову капитан Хондочий, — я ношу так же, как и мои товарищи, всегда с собой в сумке. Она нам помогает жить и сражаться». Фронтовики отмечали, что автор «хорошо показал, как в суровой школе войны закаляется дух и воля солдата, как растет его воинское мастерство».

Летом 1944 года, после долгого перерыва, Шолохов вернулся в родную станицу Вешенскую. Тут еще свежи были следы разрушений. Фронт в 1942 году подходил к самой станице. Фашистам не удалось форсировать Дон и занять Вешенскую, но они варварски бомбили ее. Во время одного из налетов погибла мать писателя — Анастасия Даниловна. Был разрушен дом Шолохова, сгорела библиотека, рукописи «Тихого Дона», второй книги «Поднятой целины», над которой писатель работал перед войной.

С сыновней гордостью за великий русский народ и его армию встретил Шолохов День Победы. Вернувшись на родину после окончания войны, он продолжил работу над романом «Они сражались за Родину». Жители Вешенской вскоре торжественно отметили сорокалетие со дня рождения своего земляка. С самых отдаленных хуторов приходили в станицу колхозники, чтобы от всей души приветствовать писателя, показать ему руку, пожелать здоровья и успехов.

Партия и народ высоко оценили заслуги писателя в годы Великой Отечественной войны. 23 сентября 1945 года Шолохов, в связи с выходом десятитысячного номера газеты «Правда», был награжден орденом Отечественной войны I степени.

*

Всем творчеством, общественной, публицистической деятельностью Шолохов доказывает плодотворность связи писателя с жизнью народа. «О нас, советских писателях, злобствующие враги за рубежом говорят, будто мы пишем по указке партии, — сказал Шолохов на II съезде писателей. — Дело обстоит несколько иначе: каждый из нас пишет по указке своего сердца, а сердца наши принадлежат партии и родному народу, которым мы служим своим искусством».

Идущая от сердца тревога и забота писателя о будущем литературы созвучны в условиях современного литературного развития с той борьбой, которую вел в 30-х годах великий Горький против «работы неумелой, небрежной, недобросовестной». Особенно бережно, заботливо относится Шолохов в послевоенные годы к воспитанию литературной смены. В молодежи он видит будущее, залог «вечного нестарения литературы».

Молодым писателям Шолохов не устает напоминать, что творчество должно быть максимально приближено к сердцу, что писатель — совесть народа, творить для него — высокая честь. Он сам, как всегда, чувствует биение пульса современности и взволнованно откликается на ее бурные события, на героические дела соотечественников. Работая над романом «Они сражались за Родину», Шолохов не раз приезжает в Волгоград и видит, как возрождается город-герой; едет на строительство Волго-Донского канала и пишет статью «Первенец великих строек». Как самый близкий человек, приходит он в дома колхозников, встречается с рабочими Ростова и Таганрога, Москвы и Ленинграда, с солдатами и офицерами Советской Армии. На областной партийной конференции писатель выступает с отчетом о своей работе, в Алма-Ате и Киеве дружески беседует с товарищами по перу, в родной станице выступает на совещании передовиков сельского хозяйства с призывом быстрее провести сев, ездит по полям, вникая во все детали труда земледельца.

Вместе со всем советским народом Шолохов активно борется за мир. Он подписывает открытое письмо советских писателей «С кем вы, американские мастера культуры?». В августе 1948 года Шолохов едет во Вроцлав и участвует в работе Всемирного конгресса деятелей науки и культуры в защиту мира, вскоре после этого выступает с речью на I Всесоюзной конференции сторонников мира, избирается членом Советского комитета защиты мира. В декабре 1952 года его яркая речь звучит с трибуны IV Всесоюзной конференции сторонников мира.

Пользуясь большим авторитетом среди писателей мира, Шолохов призывает их сесть за «свой круглый стол» для «взаимного духовного обогащения и познания». В «Письме в редакцию журнала «Иностранная литература» (1955) он призывает к широкому творческому общению советских и зарубежных писателей.

В послевоенные годы Шолохов не раз выезжал за границу, был в Польше, Венгрии, Болгарии, Чехословакии, Швеции, Норвегии, Дании, Финляндии, Америке, Англии, Франции, Италии. Везде его встречали как посланца мирной Советской страны, как полпреда советской литературы.

В гостях у Шолохова в Вешенской побывали датские писатели Ханс Кирк, Эрик Хорксьер, Ханс Шерфиг, финский писатель Марти Ларни, английские писатели Чарльз Сноу и Памела Джонсон, иностранные издатели. «Вешенская — одна из величайших святынь литературного мира, — сказал Чарльз Сноу. — Прелесть ее не только в том, что здесь живет великий писатель современности, но и в том, что он живет среди героев своих книг».

Горячо и страстно звучит в послевоенные годы публици-

стическое слово Шолохова. Он выступил с яркими речами на II съезде писателей, на XX и XXII съездах КПСС. На страницах «Правды» публикуются взволнованные очерки и статьи писателя «Борьба продолжается», «С родным правительством — за мир!», «Любимая мать-отчизна», «Слово о Родине», «Свет и мрак», «Вечно здравствуй, родная партия», «Солдатам моей Родины» и др. Публицистика Шолохова — яркий пример живой связи писателя с жизнью народа, его непосредственного участия в общенародном труде, в борьбе за мир на земле.

В конце 1956 года Шолохов закончил и вскоре опубликовал на страницах «Правды» рассказ «Судьба человека». Писатель рассматривает это произведение как «подступ к большому разговору о большой войне». Русский человек прошел через все ужасы навязанной ему войны и ценой громадных, ничем не возместимых личных утрат и трагических лишений отстоял Родину, утвердив великое право на жизнь, на светлое будущее своей страны. В этом обобщающий смысл драматического по характеру и эпического по звучанию рассказа Шолохова.

Когда Шолохова однажды спросили, можно ли считать «Судьбу человека» полемикой с рассказом Э. Хемингуэя «Старик и море», он ответил утвердительно. Полемичность шолоховского рассказа значительно шире. Здесь — полемика со всеми, кто изображает «маленького человека», лишенного больших жизненных устремлений и человеческих радостей, обреченного, не понимающего смысла тех событий, в которых участвует или от которых бежит. Герои Шолохова знают свое место в жизни, верят в правоту и торжество того дела, которому отдают жизнь. Его герой — не брюзжащий обыватель-нытик, а хозяин своей судьбы. Он любит жизнь и строит ее своими руками.

Андрей Соколов — наш современник. Он живет рядом с нами, радостно воспринимая перемены, происходящие в нашей жизни. Судьба Соколова, рассказанная им самим, — не только судьба одного человека, но и судьба народа, плечи которого вынесли безмерную тяжесть войны. Рассказ Соколова — трезвая, преломленная в народном сознании оценка минувших событий. Философия этого рассказа и в глубинном раскрытии трагических обстоятельств пережитого времени, и в утверждении кристальной человечности, нравственной силы и духовной красоты советского человека.

Писатель, поведавший о судьбе Соколова и шагающего с ним рядом осиротевшего мальчонки, зовет «к вечному утверждению живого в жизни», верит в будущее своего героя и будущее усыновленного им Ванюшки, который вырастет у отцовского плеча, все преодолет на своем пути, не раз встретит весну своей родной земли. Жизнеутверждающее искусство,

народность и великий гуманизм Шолохова раскрылись в этом рассказе с неувядающей силой.

Почти десять послевоенных лет отдал Шолохов завершению второй книги романа «Поднятая целина». Сейчас писатель вновь возвратился к страницам книги «Они сражались за Родину», создававшейся еще в годы войны. Это будет, по его замыслу, трехтомная эпопея о героической борьбе советского народа в Великой Отечественной войне против немецко-фашистских захватчиков. В первой, частично опубликованной книге повествуется о начальном этапе войны. Второй том писатель хочет посвятить небывалой в истории битве на Волге, третий — героическому наступлению Советской Армии, изгнанию врага и его уничтожению.

Прочно связав свою жизнь и все творчество свое с судьбой родного народа, Шолохов, как верный его сын, радуется могучему движению советской Родины к коммунизму. Исполнены глубокой веры в свой народ и ведущую его партию, взволнованны, как все, что пишет Шолохов, строки: «Родной народ, для кого устремлены все помыслы и заботы нашей мудрой большевистской партии, созидатель того, что служит для мира и счастья, радуйся своим великим творениям!»

Шолохов пустил глубокие корни в русскую национальную почву и щедро питает советскую литературу ее живительными соками. Могучее воздействие его яркой, самобытной индивидуальности испытывают писатели разных творческих судеб.

Многие писатели как у нас, так и за рубежом, признают, что Шолохов заставляет их вглядываться в жизнь, видеть новое там, где они могли бы его и не увидеть. Шолохов продолжает будить писательскую мысль, его великое мастерство поднимает идейно-художественные критерии в оценке современных литературных явлений. Такого воздействия на литературу не оказывает, пожалуй, ни один из современных писателей.

Автор «Тихого Дона» и «Поднятой целины» своими бессмертными романами прославил нашу Родину. Вместе с товарищами по перу он завоевал советской литературе признание, всемирную славу. Его книги переведены на все языки мира. Они читаются в самых отдаленных уголках земного шара, пользуются большой популярностью, оживленно обсуждаются прессой. Еще М. Горький обратил внимание, что «с книжками Шолохова толковые люди Европы считаются, как с самой действительностью». Л. Фейхтвангер отмечал огромную познавательную роль романов Шолохова: «Эти романы показали зарубежному читателю, что советский писатель объективно умеет видеть и своих врагов и свои недостатки. «Тихий Дон» — это художественное полотно большого мастера. В Европе это признают даже враги советской власти». Высоко оценивали Шолохова и другие крупнейшие писатели мира — Р. Роллан, Г. Уэллс, Э. Хемингуэй.

Книги Шолохова несут миру коммунистические идеи, воплощенные в высокие художественные формы, раскрывают исторический опыт нашего народа, его великие подвиги, воспитывая веру в неизбежность торжества коммунизма на земле. Во весь рост рисуя характеры русских людей, показывая благородные идеалы, человечность, самоотверженность их в достижении своих великих целей, писатель вносит вклад в сокровищницу мировой культуры, обогащает ее знанием советской эпохи и русского народа.

«Никогда не забывал я, — рассказывает голландский писатель Тойн де Фрис, — да и не мог забыть весомое, сильное и драматическое впечатление, которое произвели на мою юную, полную исканий душу романы Шолохова... Мне, как и многим другим людям в оккупированных странах, романы советских писателей придавали мужество, а перечитывая Шолохова, я преисполнялся убеждением, что народ, проложивший путь к социализму в октябре 1917 года, не может быть побежден бесславной армией фашистов. Я не бывал в Советском Союзе, но я знал его народ, и неплохо знал, по романам Михаила Шолохова».

Плодотворное воздействие оказывает Шолохов и на развитие прогрессивной литературы за рубежом. К его голосу чутко прислушиваются, многие писатели признают влияние Шолохова, высоко оценивают непреходящее значение его творческой личности. Автора «Тихого Дона» и «Поднятой целины» единодушно называют самым крупным из всех современных романистов, «великим писателем России и одним из величайших эпических писателей мира».

Самую высокую оценку Шолохов получил у себя на Родине, раньше других его по достоинству оценил советский народ, ласково назвал «наш Шолохов», окружил почетом и уважением как своего сына, как великого летописца нашей эпохи.

Виктор Васильевич Гура

Редактор В. Мелентьева
Технич. редактор Л. Дороднова
Корректор Е. А. Ольховская
Художник С. Галкин

Сдано в набор и подписано к печати 25.XII 1964 г. Изд. № 43.
Формат бум. 60 × 90¹/₁₆. Бум. л. 1,5. Печ. л. 3,0. Уч.-изд. л. 2,79.
А 11078. Цена 9 коп. Тираж 93700 экз. Заказ 4565.
Опубликовано тем. план 1965 г. № 179.

Издательство «Знание». Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.

Типография изд-ва «Знание», Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.

14.05.2025 03P

[40p]

9 коп.

Индекс
70069

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
Москва 1965